

С. О. РЫСКИНЪ.

РАЗОБЛАЧЕННЫЙ РАСКОЛЪ.

**ПОХОЖДЕНІЯ ЛЖЕ-АРХІЕРЕЯ
САВВАТІА.**

С. О. Рыскинъ.

801-14
2167

РАЗОБЛАЧЕННЫЙ РАСКОЛЪ.

Выпускъ первый.

ПОХОЖДЕНІЯ ЛЖЕ-АРХІЕРЕЯ
САВВАТІЯ.

(СОВРЕМЕННЫЙ ОЧЕРКЪ).

МОСКВА. 1892.

Типографія Общества распространія полезныхъ книгъ. Моховая,
домъ Торлецкой.

С. Е. Рыжков

РАЗВОДАЧЕННЫЙ РАСКОЛЪ

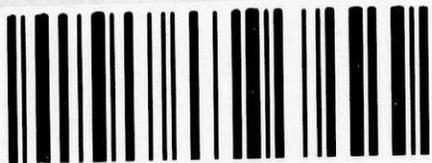
Выпускъ первый

Дозволено цензурою. Москва, 8 августа 1892 года.

САВВАТІЙ

СОВРЕМЕННЫЙ СЕРІАЛЪ

42864-0

2007334470

РАСКОЛЬНИЧІЙ
ЛЖЕ-АРХІЕРЕЙ САВВАТІЙ.

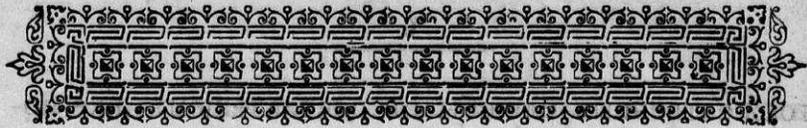
Отъ издателя.

Настоящей книжкой: „Похожденія лже-архіерея **Савватія**“, начинается приготовляемая къ печати серія ей подобныхъ, которыя время отъ времени будетъ выходить подъ общимъ имъ названіемъ: „**Разоблаченный расколъ**“.

Содержаніе всѣхъ имѣющихъ выйти названныхъ книжекъ, какъ содержаніе и настоящей, будетъ заключать въ себѣ основанныя на документальныхъ данныхъ разоблаченія темной жизнедѣятельности современнаго раскола въ его главаряхъ, лже-архіереяхъ, лже-попахъ и прочихъ.

Для этого, мы убѣждены, настало благопріятное время, ибо и наша Православная Церковь, и ея высшіе представители, а также и высшее гражданское правительство усиленно заботятся теперь искоренить изъ предѣловъ нашего отечества разные секты и расколы.

И вотъ мы вносимъ посильный трудъ въ это святое и великое дѣло....

Всѣмъ, намъ думается, извѣстно, что въ настоя-
щее время—не воистину будь сказано—„ду-
ховно-іерархическими“ дѣлами раскола верховодить
кошунственный самозванецъ и безобразникъ лже-
архіерей Савватій съ ложнымъ титуломъ „архіепа-
скопа царствующаго града Москвы“.

ПОХОЖДЕНІЯ ЛЖЕ-АРХІЕРЕЯ САВВАТІЯ.

(Современный очеркъ).

Извѣстно также большинству и то, что этотъ
главнокомандующій раскольничій „владыка“ по-
стоянно живетъ въ Москвѣ на особомъ подворьѣ,
находящемся за Покровскимъ монастыремъ по Но-
воселенской улицѣ, но какъ онъ тамъ живетъ и
что подѣлываетъ,—почти ни для кого, кромѣ, ко-
нечно, раскольниковъ, невѣдомо.

А между тѣмъ у его непреосвященства на „Апух-
тиномъ дворцѣ“—такъ называется лже-архіерей-
ская резиденція—имѣется и „каедральный“ само-
чинно устроенный „храмъ“, гдѣ онъ отправляетъ

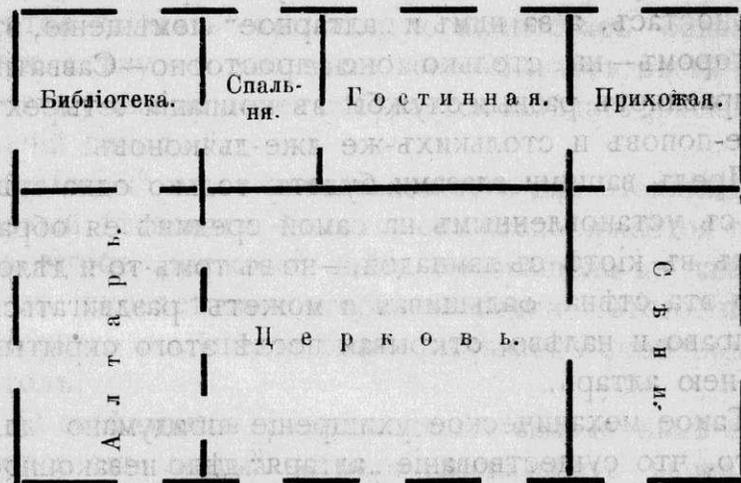
торжественныя службы съ поставленіемъ лже-поповъ и лже-дьяконовъ, и „палата“ для засѣданій „раскольничьяго синода“ называемаго „московскимъ духовнымъ совѣтомъ“ и канцелярія, въ которой „секретарь всероссійскаго раскола“—Климентъ Афиногеновъ Перетрухинъ сочиняетъ разные указы и приказы, и, наконецъ, живетъ цѣлый „штатъ“ прислужниковъ, начиная съ „ближняго“ лже-попа Андрея Желтаго и кончая „пѣвцами“ съ „подголосками“, не говоря уже о тѣхъ прислуживающихъ лже-архіерею женщинахъ, которыхъ принято называть „малиницами“.

Но вотъ неожиданный и весьма рѣдкій случай поставилъ насъ, пишущихъ эти строки, въ такое исключительное положеніе, что мы довольно хорошо ознакомились съ жизнью московскаго „батюшки Савватѣюшки“ на его „Апухтинкѣ“, прослѣдили его нѣкоторыя кощунства, безобразія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противозаконія, имѣющія уголовный характеръ, и вотъ теперь, начиная повѣствовать о томъ, что намъ удалось узнать и съ чѣмъ довелось ознакомиться, предлагаемъ прежде всего вниманію читателей возможно подробное описаніе московской раскольничьей лже-архіерейской резиденціи, или, лучше сказать, берлоги.

„Апухтинское дворіще“ на Новоселенской улицѣ занимаетъ собою цѣлый кварталъ и состоитъ изъ четырехъ довольно большихъ домовъ.

Въ трехъ-оконномъ домѣ, по лѣвую сторону отъ въѣздныхъ воротъ, весь верхній этажъ занятъ „каѳедральнымъ храмомъ“ и „владычными покоями“; въ нижнемъ-же находятся помѣщенія „стряпчей“, т. е., кухни, „каморокъ“, гдѣ живутъ пѣвчіе, и „приемная“ для пріѣзжающихъ къ лже-архіерею лже-поповъ.

„Покои“ Савватія и сообщающаяся съ ними самочинно устроенная „церковь“ расположены по слѣдующему плану:

Планъ на первый взглядъ очень незамысловатый, но онъ кажется такимъ только лишь потому, что типографскими линейками нельзя изобразить всѣхъ ухищреній этого расположенія комнатъ.

Будемъ описывать ихъ послѣдовательно.

Когда вы по широкой лѣстницѣ подниметесь наверхъ въ сѣни, то дверь прямо будетъ дверью въ „покои“ Савватія, а дверь налѣво приведетъ васъ въ церковь.

Если ваше посѣщеніе совпадаетъ съ такимъ временемъ, когда, выражаясь по раскольничьи, „идетъ дождь“, или, говоря прямо, когда ожидается посѣщеніе властей подлежащихъ, то вы, войдя въ этотъ самочинный „храмъ“, даже и не догадаетесь, что онъ въ противоположной входу сторонѣ имѣетъ иконостасъ, а за нимъ и „алтарное“ помѣщеніе, въ которомъ—на столько оно просторно—Савватій отправляетъ разныя службы въ компаніи четырехъ лже-поповъ и столькихъ-же лже-дьяконовъ.

Предъ вашими глазами будетъ только одна стѣна съ установленнымъ на самой срединѣ ея образомъ въ кіотѣ съ лампадой,—но въ томъ-то и дѣло, что эта стѣна фальшивая и можетъ раздвигаться направо и налѣво, открывая послѣ этого скрытый за нею алтарь.

Такое механическое ухищреніе придумано для того, что существованіе „алтаря“ дѣло незаконное и что поэтому въ такіе дни, когда въ воздухъ грозой пахнетъ, „никоніанскимъ приставникамъ“ показывать его нельзя.

Въ „ведреную“ же погоду, когда все спокойно, раззолоченный иконостасъ „алтаря“ съ тремя две-

рями, — „царскими“, „сѣверными“ и „южными“, сіяетъ предъ глазами каждаго входящаго „въ полномъ своемъ откровеніи“ и поражаетъ при этомъ знатоковъ стариннаго иконописанія грубой поддѣлкой своихъ образовъ подъ древній строгановскій стиль.

Савватій боится украсить свой „каедральный храмъ“ древними иконами, — и онъ у него сохраняются въ другомъ мѣстѣ, а гдѣ именно, объ этомъ будетъ сказано нѣсколько ниже.

Впрочемъ, иногда и въ „ведреное“ время приходится сдвигать скрывающую иконостасъ фальшивую стѣну,—и это чаще всего бываетъ въ тѣ дни когда у лже-архіерея собирается засѣдать „раскольничій синодъ.“

„Покои“ его непреосвященства для такихъ собраній тѣсноваты, — и вотъ онъ распоряжается тогда, чтобъ „церковь“ была превращена въ палату безъ иконостаса и чтобъ посрединѣ этого просторнаго помѣщенія былъ поставленъ „соборный“ столикъ.

О засѣданіяхъ „раскольничьяго синода“ намъ придется еще весьма не мало рассказывать впоследствии, а потому и, не распространяясь о нихъ теперь, переходимъ снова къ описанію лже-архіерейской квартиры.

Изъ „алтарнаго“ помѣщенія узенькая дверка въ правой отъ входа стѣнѣ ведетъ въ бібліотеку—

маленькую комнатку, гдѣ въ страшномъ безпорядкѣ валяются по столамъ и по полу различныя, но не старопечатныя книги и старыя газеты.

Гдѣ-же хранятся и старопечатныя, и другія цѣнныя для раскольниковъ книги,—скажемъ въ послѣдствіи.

Изъ бібліотеки единственная дверь приводитъ васъ въ спальню или, какъ говорятъ на „Апухтинскомъ дворѣ“, въ келью Савватія.

Здѣсь у окна стоитъ письменный столъ лже-архіерея, заваленный книгами, бумагами и массою писемъ, на заштемпелеванныхъ почтою конвертахъ которыхъ нерѣдко можно прочесть и такой удивительный, странный, чтобъ не сказать болѣе, адресъ:

Его высокопреосвященству архіепископу московскому Савватію.

Въ Москвѣ, на архіерейской квартирѣ, за Покровскимъ монастыремъ.

Современные раскольники, судя поэтому, ни чуть не стѣсняются даже и въ открытыхъ почтовыхъ сношеніяхъ величать своихъ „ряженныхъ“ владыкъ ни чуть неприсвоенными имъ титулами, а московскіе письмоноscopy „ничтоже сумняшеся“, доставляютъ письма съ такими адресами по назначенію.

Въ сторонѣ противоположной окну находится кровать, по стѣнѣ надъ которой развѣшаны фотографическія карточки раскольниковъ лже-владыкъ.

Тутъ красуется мужиковатая фигура нынѣшняго бѣло-криницкаго митрополита Аѳанасія, бородатая голова покойнаго Антонія Шутова, симпатичная фізіономія Пафнутія Казанскаго и многія другія изображенія „ряженныхъ“ владыкъ современнаго раскола.

Изъ спальни широкія двухъ-створчатыя двери ведутъ въ гостинную лже-архіерея, обставленную старинною тяжелою мебелью сороковыхъ годовъ истекающаго вѣка.

Эта комната, гдѣ Савватій принимаетъ своихъ посѣтителей и просителей, сообщается чрезъ маленькую прихожую со входными стѣнами, гдѣ лѣстница.

Изъ стѣны по узкой лазейкѣ можно подняться на чердакъ, гдѣ устроена доступная лишь для ближайшихъ прислужниковъ его непресвященства кладовая, въ которой, нельзя сказать, чтобъ въ большомъ порядкѣ, сохраняются лже-архіерейскія и иныя облаченія, старинныя иконы, старопечатныя и еще нѣкоторыя книги.

Таковы устройство и помѣщенія главнаго дома „Апухтинскаго дворѣ“, теперь-же остается сказать нѣсколько словъ и о другихъ его трехъ домахъ.

Тотъ домъ, который находится по правую сторону отъ вѣздныхъ воротъ, весь занятъ помѣщеніями для дьячковъ, лже-вподдіаконовъ и прото-

дьякона раскольникяго владыки, а въ остальныхъ двухъ отдѣльныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ отведены квартиры для „ближняго“ лже-попа Андрея Желтаго, для старухи-просфирни и для раскольникяго всероссійскаго „логоета“ Климента Перетрухина съ находящейся въ его завѣдываніи канцеляріей Савватія и всего „духовнаго совѣта“.

Климентъ Перетрухинъ, семейный человѣкъ, имѣющій жену и троихъ дѣтей, занимаетъ три „веселенькія“ комнатки, сообщающіяся съ канцелярскимъ отдѣленіемъ, гдѣ теперь заняты постоянною работою двое писцовъ.

На дворѣ между домами и ихъ „службами“ есть небольшой садикъ, въ которомъ въ лѣтнее время лже-архіерейскіе прислужники распиваютъ, на вольномъ воздухѣ, китайское зелье, а у входныхъ воротъ въ эту раскольникю обитель постоянно сидитъ сердитый дворникъ, подозрительно оглядывающій всякаго проходящаго.

Вотъ и все, что представляетъ изъ себя пресловутая лже-архіерейская резиденція на Новоселенской улицѣ,—теперь же намъ предстоитъ повести разговоръ объ ея обитателяхъ, начавъ, конечно, съ главнѣйшаго,—самого Савватія....

* *
*

Лже-архіерействуетъ въ расколѣ Савватій около сорока лѣтъ, принявъ это самочинное званіе и

обязанности, съ нимъ сопряженныя, отъ извѣстнѣйшаго въ раскольникемъ мірѣ лже-владыки Пафнутія Казанскаго.

Въ молодости своей онъ былъ простымъ рабочимъ на Тагильскихъ заводахъ, а затѣмъ, лѣтъ тридцати отъ роду, принялъ отъ какого-то бѣглаго іеромонаха раскольникяго иночество вмѣстѣ съ именемъ Савватія.

Пафнутій Казанскій, объѣзжая въ началѣ пятидесятихъ годовъ свою раскольникю епархію, къ которой принадлежали Уралъ и За-уралье, остановился на Савватіи, какъ на челсвѣкѣ вполне пригодномъ для производства въ чинѣ лже-владыки для тобольскихъ раскольниковъ,—и, не долго думая, оборудовалъ въ Тагилѣ это самочинное рукоположеніе.

Если принять во вниманіе, что Савватій и до сихъ поръ, не смотря на свое долговременное безобразничанье въ чинѣ „ряженаго“ архіерея, называется малосвѣдущимъ „въ писаніи“ раскольникомъ,—то надо удивляться, почему всегда осторожный въ своихъ дѣйствіяхъ „по іерархической части“ Пафнутій Казанскій остановился тогда въ своемъ выборѣ на этомъ, какъ писалъ про него Антоній Шутовъ,—„мужикѣ, что и читать-то порядочно не умѣетъ“.

Но какъ никакъ, а Савватій началъ лже-архіерействовать въ „странѣ Сибирстѣй“, — и повелъ

себя такъ, что мѣстная администрація обратила на него серьезное вниманіе и выслала его изъ Тобольска въ Тулу подъ надзоръ полиціи.

Отъ этой заслуженной административной кары онъ пытался спастись, — „оле, прегрѣшеніе великое!“ — могутъ воскликнуть раскольники, — неоднократно отреченіями отъ своего самочиннаго лже-архіерейскаго достоинства, но все, „еже имъ было содѣяно“, оказывалось на столько важнымъ и серьезнымъ, что ему въ званіи тульскаго второй гильдіи купца пришлось прожить въ прославленномъ самоварами городѣ до самой смерти московскаго лже-архіерея Антонія.

Къ этому времени начальство смилостивилось надъ нимъ, и онъ, перебравшись изъ Тулы въ Москву, добился того, что „раскольничій синодъ“ провозгласилъ его достойнымъ преемникомъ на осиротѣвшій въ царствующемъ градѣ Москвѣ архіепископскій древняго православія престолъ.

Не смотря на то, что это провозглашеніе было сдѣлано вопреки настояніямъ образованнѣйшаго и вліятельнѣйшаго представителя московскаго рогожскаго общества К. Т. Солдатенкова, который находилъ болѣе удобнымъ вилѣть въ этотъ „чинъ“ осторожнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старѣйшаго въ раскольничьей лже-іерархіи Пафнутія Казанскаго, сторонники Савватія превозмогли, — и вотъ уже почти двѣнадцать лѣтъ онъ,

проживая на „Апухтинскомъ дворницѣ“, управляетъ, какъ лже-архіепископъ московскій, всѣми „духовно-іерархическими“ дѣлами раскола.

Ему въ настоящее время около семидесяти лѣтъ, тѣмъ не менѣе крѣпкая „сибирская“ натура, закаленная въ молодости работой около адскаго огня „доменныхъ“ печей на Тагильскихъ желѣзо-дѣлательныхъ заводахъ, еще не даетъ ему никакихъ серьезныхъ поводовъ жаловаться на свой преклонный возрастъ.

Онъ ростомъ не высокъ, но его сухощавый и жилистый корпусъ повидимому до самой смерти не согнется подъ бременемъ преклонной старости, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ его движенія, начиная съ подпрыгивающей походки и кончая жестикуляціей во время разговора, не только свободны, но даже и порывисты.

Мало мальски серьезныхъ недуговъ онъ, какъ мы знаемъ, никогда еще не испытывалъ и единственная хворь, отъ которой ему иногда приходится покрываться, — это ломота въ поясницѣ.

Но и тутъ, при этомъ поясничномъ недугѣ, Савватій, не подражая своему предшественнику, Антонию Шутову, который изъ-за каждаго, можно сказать, прыща, призывалъ къ себѣ покойнаго доктора Марконета, — старается помогать себѣ простыми, домашними средствами.

Съ этою цѣлью, въ большинствѣ случаевъ, при-

глашается „наверх“, какъ одна изъ „малинницъ“, супруга „ближняго попа“ Андрея Желтаго, которая и растираетъ болящее мѣсто на спинѣ его не-преосвященства смѣсью нашатырнаго спирта съ деревяннымъ масломъ.

Волосы, покрывающіе еще не совсѣмъ облысѣвшую голову Савватія, длинны и сѣды, а борода, продолговато-окладистая и всегда тщательно расчесываемая, имѣетъ, по мѣстамъ, желтоватый оттѣнокъ.

При такомъ „власообложеніи“, общій складъ лица лже-архіерея могъ бы казаться благообразнымъ и даже приятнымъ, если бы только не мѣшало этому своеобразное выраженіе глазъ, къ которому мѣткое уподобленіе: „онъ-де волкомъ смотритъ“, подходит какъ нельзя болѣе.

Савватій, повидимому, и самъ сознаетъ эту неприятную особенность своей физиономіи, а потому всячески старается, чтобы ее не замѣчали.

Для этого онъ, при разговорахъ со своими „пасомыми“, или смотритъ внизъ, или же прищуриваетъ глаза самымъ, такъ сказать, „елейнымъ“ образомъ.

Голосъ у лже-архіерея не громкій, съ дѣланною и присущею всѣмъ „духовнымъ“ особамъ раскола гнусавостью, причемъ произношеніе словъ, какъ при разговорѣ, такъ даже и при отправленіи само-

чинныхъ службъ, отличается сибирскимъ „уаканьемъ“ и неправильностью удареній.

При этомъ, надо замѣтить, что онъ чрезъ каждые два-три слова, ни къ селу, ни къ городу, вставляетъ поговорку „ништо“.

— Ништо, пусть на меня „никониане“ и косятся—говоритъ онъ самъ про себя,—а я вотъ, ништо, живу себѣ въ Бѣлокаменной,—и ништо!... Да еще какъ, ништо, живу то!... Самъ, ништо, графъ Левъ Николаевичъ Толстой въ гости ко мнѣ ѣздитъ,—и ништо!... И я, ништо, у него бываю!...

Дома у себя Савватій носитъ черные, „духовнаго“ покроя, полукафтаны—въ будни шерстяныя, по праздникамъ-же шелковые,—причемъ голова его всегда покрыта маленькой островерхой шапочкой.

Выѣзжая-же изъ своего подворья куда нибудь въ гости, или служить, онъ облачается въ модный „мнишеско-архіерейскій“ нарядъ и даже въ „мантію“ съ „позвонцами“ и „источниками“.

Таковъ-то вотъ главный обитатель „Апухтинскаго дворища“, кощунственный самозванецъ лже-архіерей Савватій, а теперь мы представимъ читателямъ „правую руку“ его раскольникьяго не-преосвященства, его личнаго секретаря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и писаря, или, какъ онъ себя въ своихъ безобразіяхъ называетъ, „оберъ-прокурора“ московскаго раскольникьяго синода, Климента Анеиногенова Перетрухина....

Климентъ Перетрухинъ, краткія и спутанныя біографіи котораго появлялись въ московскихъ, петербургскихъ и поволжскихъ газетахъ, уроженецъ иргизскій, а именно—селенія Камеликъ, Николаевского уѣзда, Самарской губерніи.

Уже самое мѣсто его рожденія, Иргизъ, гдѣ и до сего времени насчитывается, по пословицѣ, до „семидесяти семи вѣрь“, даетъ понятіе о томъ, что онъ сынъ родителей неправославныхъ,

И дѣйствительно, дѣтство, юность и молодые годы свои онъ провелъ въ такой раскольничьей семьѣ, которая не только не принадлежала къ Православію, но даже во многомъ отличалась и отъ толка „австрійской поповщины“.

Есть свѣдѣнія, что родители нынѣшняго „логоѣта“ раскола принадлежали къ сектѣ такъ называемыхъ „дырниковъ“, но на сколько это справедливо можетъ знать только ихъ сынъ, весьма неохотно распространяющійся о тѣхъ вѣрованіяхъ, которыхъ онъ придерживался до перехода въ „австрійскую поповщину“.

При этомъ, надо замѣтить, что петербургскія газеты имѣли какія-то основанія утверждать, что онъ происходитъ изъ семейства молоканскаго.

Въ юности своей Климентъ Перетрухинъ обучался ремеслу переплетанія книгъ,—и это то вотъ

обстоятельство, по его собственнымъ признаніямъ, и способствовало главнымъ образомъ къ тому, что онъ сдѣлался „книгочіемъ“.

Къ нему „въ переплетъ“ попадались почти всѣ особенно распространенныя въ расколѣ книги, и, онъ, какъ сектантъ, почерпнулъ изъ нихъ все, что служить безумнымъ основаніемъ разнымъ толкамъ и сектамъ и изошриль свой умъ въ защитѣ раздорниковъ предъ Православіемъ путемъ всевозможныхъ натяжекъ, увертокъ и кривотолкованій.

Въ годину извѣстнаго „самарскаго голода“ имя Климента Перетрухина начало попадаться въ спискахъ волостныхъ писарей Николаевского уѣзда, и это можно принять за признакъ того, что въ указанное время теперешній дѣлопроизводитель раскольничьяго синода уже успѣлъ значительно выдвинуться среди своихъ общественниковъ, а затѣмъ онъ сталъ извѣстенъ и самарскимъ противораскольничьимъ православнымъ миссіонерамъ, какъ ярый защитникъ сектантскихъ заблужденій.

Въ эту пору на молодаго и борзаго на языкъ воителя противъ Православія обратилъ свое вниманіе казанскій раскольничій лже-владыка Пафнуцій и предложилъ ему, вмѣстѣ съ должностью писца въ своей черемшанской лже-архіерейской канцеляріи, перейти въ „австрійскую поповщину“.

Предложеніе это было принято, — и Климентъ Перетрухинъ, принятый въ „австрійство“ по „пер-

вому чину“, т. е., посредствомъ крещенія, становится ретивымъ работникомъ-канцеляристомъ для своего владыки, и годъ отъ году дѣлается все болѣе извѣстнымъ, какъ сильный защитникъ раскольниковыхъ доктринъ, не уступающій—такъ тогда говорили—ни въ чемъ и самому, прогремѣвшему на всю Россію, Анисиму Васильеву Швецову.

Насталъ 1886 годъ и въ это время состоявшій въ должности дѣлопроизводителя при московскомъ раскольниковемъ „синодѣ“ Иванъ Васильевичъ Шляпинъ изъ Москвы удалился *) и лже-архіерею Савватию пришлось подыскивать для себя новую „правую руку“.

Тогда лже-владыка Пафнутій Казанскій предложилъ своему московскому собрату воспользоваться услугами Климента Перетрухина, и Савватій, по совѣту съ московскимъ раскольниковымъ купечествомъ и съ членами своего „синода“, вызвалъ предложеннаго кандидата въ Москву, заранѣе предрѣшивъ, что онъ получитъ должность его „правой руки“ только въ томъ случаѣ, если не сробѣетъ потягаться съ „никоніанами“ на собесѣдованія въ домѣ И. С. Шумова.

Поэтому едва лишь прибылъ въ Москву этотъ нынѣшній „логоуетъ“ всероссійскаго раскола, какъ ему предложили защитить предъ православными

*) Присоединился къ православію и принялъ иночество.

собесѣдниками законность и правильность самочинной австрійской лже-іерархіи.

Мы помнимъ это собесѣдованіе—нашъ подробнѣйшій отчетъ о немъ былъ напечатанъ въ издававшейся тогда газетѣ „Голосъ Москвы“,—и то обстоятельство, что номеръ этого изданія, въ которомъ появился названный отчетъ, разошелся въ количествѣ удвоенномъ и продавался впоследствии по 50 коп. за экземпляръ, уже даетъ понятіе, насколько сильно интересовалась раскольничья Москва будущимъ секретаремъ своего „синода“.

И дѣйствительно, Климентъ Перетрухинъ отличился тогда на сколько могъ.

Онъ объявилъ себя молоканиномъ, протестантомъ, штундистомъ, но отнюдь не „австрійскимъ поповцемъ“,—и это произошло, конечно, потому, что только на почвѣ крайняго рационализма и могутъ еще кое-какъ бесѣдовать защитники современнаго раскола съ православными совопросниками.

— Ништо, ништо!... Онъ гождь!...—сказалъ, однако, въ то же время лже-архіерей Савватій, —и должность секретаря всероссійскаго раскольниковяго дѣлоправительства осталась за Климентомъ Перетрухинымъ.

Но на первыхъ же порахъ этотъ нынѣшній московскій раскольниковій синодальный секретарь вызвалъ недовольство Савватія и многихъ „столповъ и адамантовъ“ своими посѣщеніями высокоуважае-

го настоятеля Никольскаго единовѣрческаго монастыря, о. архимандрита Павла Прусскаго, и извѣстнаго въ Москвѣ Егора Антоновича Антонова, —этихъ двухъ изобличителей неправоты раскола, которые сами когда-то были внѣ Православной Церкви и соединились съ нею, познавъ ея непреоборимую истину.

Опасаясь того, что отецъ Павелъ и Егоръ Антоновичъ успѣютъ склонить Климента Перетрухина, какъ и многихъ другихъ, „къ соединенію съ никоніанствомъ“, лже-архіерей Савватій со своей „синодальной“ братіей, какъ говорится, „поначалилъ“ новаго секретаря московскаго „духовнаго“ правленія расколомъ и, какъ утверждаютъ, подъ угрозою отдать эту должность кому-то другому, вступить въ сношенія съ „никоніанскими“ проповѣдниками ему запретилъ.

Отвѣтомъ на это запрещеніе было полнѣйшее послушаніе, и Климентъ Перетрухинъ, какъ-бы въ доказательство своей преданности расколу сочинилъ книжицу „Мечъ духовный“, о которой, а также и о другихъ его изрыгающихъ хулу на Православіе сочиненіяхъ, рѣчь наша будетъ впереди.

За Климентомъ Перетрухинымъ видное мѣсто въ штатѣ „апухтинцевъ“ занимаетъ „ближній бать-

ка“ лже-архіерея Савватія— Андрюха, по прозванію Желтый.

Подробную біографію его мы отлагаемъ для слѣдующихъ выпусковъ нашихъ разоблачающихъ расколъ книжекъ, изъ которыхъ одна специально будетъ посвящена московскимъ раскольничьимъ лже-попамъ, а теперь, пока что, скажемъ вкратцѣ, что этотъ „ближній батька“ апухтинскаго кощунственнаго архи-безобразника попалъ въ лже-попы изъ захудалыхъ и сбившихся, какъ говорится, съ пути фабричныхъ.

Здѣсь-же, въ настоящей книжкѣ, при перечнѣ лже-архіерейскаго „апухтинскаго“ штата, намъ остается лишь съ возможною подробностью рассказать объ окружающихъ „батьку Савватія“ такъ называемыхъ „малинницахъ“, —о „малинницахъ до-машнихъ“, оставляя рѣчь о „купчихахъ-малинницахъ“ до той поры, когда необходимо будетъ упомянуть и о нихъ.

Прежде всего слѣдуетъ объяснить, что значитъ слово „малинница“, а для этого необходимо вспомнить о предшественникѣ „батьки Савватія“ пресловутомъ Антоніи Шутовѣ.

При этомъ первомъ и уже слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ скончавшемъ свои грѣшные дни московскомъ раскольничьемъ лже-владыкѣ до самой его смерти состояла — скажемъ, выражаясь

болѣ чѣмъ скромно—въ качествѣ келейницы, нѣкая Аннушка.

Конечно такой порядокъ вещей казался „столпамъ и алмамантамъ“ раскола весьма соблазнительнымъ, и они не разъ, не два заявляли свое неудовольствіе Антонію въ самыхъ прозрачныхъ выраженіяхъ.

— Постыдись!.. говорили они.—Удали эту Аннушку, а на мѣсто ея старичка келейничка около себя заведи!..

— Ишь, совершенно тово, чего захотѣли!.. отзвываясь на такія замѣчанія Шутовъ.—А кто меня безъ Анны-то, совершенно тово, малинкой, вмѣсто вашей „китайской погани“, угощать будетъ?... Она ее, совершенно тово, какимъ то особеннымъ манеромъ готовить!.. Привыкъ я къ ней, совершенно тово, привыкъ!..

И вотъ послѣ такихъ объясненій за келейницей лже-архіерея Антонія утвердилось названіе „малинницы“ и перешло отъ нея на все глупое и себѣ на умѣ бабье, которое при теперешнемъ московскомъ лже-владыкѣ, „батьюшкѣ-Савватіюшкѣ“, стало гнѣздиться въ его пресловутой „Апухтинкѣ“ или, гораздо болѣе чѣмъ часто, наѣзжать туда¹⁾.

Изъ постоянно живущихъ на Апухтинскомъ дво-

¹⁾ Раскольники-же объясняютъ, что „малинница“—исковерканное слово „моленница“, т. е., прислуживающая въ моленной.

рищѣ „малинницъ“ занимаетъ первенствующее мѣсто оставшаяся по наслѣдству отъ Шутова Аннушка.

Она, въ виду своихъ прежнихъ заслугъ для московской лже-архіерейской каведры, занимаетъ при Савватіи почетную и доходную должность его „просвирни“, а вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ при немъ самой лучшей и самой надежной развѣдчицей.

При всякомъ, съ позволенія сказать, „духовномъ“ раскольничьемъ дѣлѣ „батьюшка Савватіюшка“ посылаетъ ее разнюхивать, какъ смотрятъ на это дѣло „столпы и алмаманты“ и, согласно полученнымъ отъ нея вѣстямъ, высказываетъ свои лже-архіерейскія рѣшенія.

Аннушка живетъ на „Апухтинкѣ“ въ отдѣльномъ домикѣ,—и рѣдкій раскольничій попъ, пріѣхавъ на поклонъ къ своему московскому лже-владыкѣ, не заходитъ къ ней за совѣтомъ.

У этой старушенціи имѣется довольно солидный капиталецъ,—и не далѣе какъ два года тому назадъ она хотѣла употребить эти деньги на устройство рядомъ съ „Апухтинкой“ женской обители для раскольничьихъ черницъ и бѣлицъ, но такая ея затѣя почему то не осуществилась.

За Аннушкой слѣдуетъ „малинница“ Пелагеюшка, которая при лже-архіереѣ Савватіи играетъ такую-же роль, какую играла его теперешняя „мать просвирня“ при Антоніи Шутовѣ.

Она оправляетъ на его „постелькѣ“ перину, она

чистить ему „бѣльецо“, а особенно же уважается имъ за то, что мастерица стряпать разныя „лѣкарствица“.

Кромѣ этихъ поименованныхъ на „Апухтинкѣ“ проживаютъ и еще нѣсколько раскольницъ, но онѣ ничѣмъ особеннымъ не выдаются, какъ и всѣ другіе обитатели московской лже-архіерейской берлоги: гусялки-пѣвчіе въ числѣ двухъ десятковъ, дворовые прислужники—а ихъ человекъ три-четыре, — и только развѣ объ одномъ келейникѣ „батьки Савватѣя“, старикѣ Асонѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Этотъ до фанатизма преданный расколу старикъ келейничаетъ уже у третьяго раскольничьяго лже-архіерея.

Прежде онъ „ходилъ“ за лже-архіереями Конономъ и Аркадіемъ, а за ихъ смертью перешель, какъ бы по наслѣдству, и къ теперешнему раскольничьему московскому архи-безобразнику.

Много и прежнихъ, и современныхъ тайнъ раскола извѣстно этому старику, но онъ, какъ говорится, могила — и ни о чемъ никогда не распространяется.

Таковъ штатъ московскаго лже-владыки раскольниковъ, — и мы, давъ понятіе о немъ, посмотримъ теперь, на какія такія средства и самъ живетъ, и всю свою челядь содержитъ этотъ кошунственный самозванецъ....

Какъ извѣстно, главную силу въ расколѣ „австрийской поповщины“ представляло и представляетъ изъ себя общество богатыхъ купцовъ, „столповъ и алмаантовъ“, сплотившееся около пресловутаго Рогожскаго кладбища.

По указанному порядку вещей общество это должно вѣдать лишь дѣлами громаднѣе богадѣлень на Рогожскомъ кладбищѣ, но увь! — эти богадѣльни служили и продолжаютъ служить ловко поставленными ширмами, за которыми рогожскіе общественники на своихъ собраніяхъ и чрезъ своихъ уполномоченныхъ орудуютъ темными дѣлами всероссійскаго раскола.

У рогожскаго раскольничьяго общества есть неприкосновенные капиталы, дающіе ежегодно извѣстный доходъ, существуетъ правильно организованный сборъ вкладовъ и пожертвованій, строго опредѣлена складчина общественниковъ, — и, такимъ образомъ, оно имѣетъ постоянный годовой бюджетъ, изъ котораго — скажемъ по нашимъ, надо полагать, безошибочнымъ расчетамъ — рублей тысячъ до тридцати идетъ на содержаніе лже-владыкъ раскольничьей іерархіи.

И вотъ Савватій получаетъ ежегодно изъ этихъ денегъ самый высшій лже-архіерейскій окладъ, а именно три тысячи рублей, но „симъ обществен-

нымъ даяніемъ на архипастырскія нужды“ годовые доходы его далеко не исчерпываются, а если бы исчерпывались, то ему положительно не на что было бы и жить.

Въ самомъ дѣлѣ, его непреосвященство изъ своей собственной шкатулки выдаетъ ежегодно добавочнаго жалованья своему „логовету“ и секретарю, Клименту Перетрухину, шестьсотъ рублей, приплачиваетъ къ арендной платѣ за „Аптухинское дворище“ восемьсотъ рублей и, кромѣ всего этого, дѣлаетъ пожертвованія на пользу и процвѣтаніе раскола тысячными суммами.

Въ этомъ послѣднемъ иные, пожалуй, и усумнятся, но примѣры на лицо.

Достаточно упомянуть о поѣздкѣ Савватія въ Тагиль вскорѣ послѣ недавняго еще пожара, истребившаго до тла это горно-заводское поселеніе, когда этотъ раскольничій лже-владыка роздалъ тагильскимъ погорѣльцамъ-раскольникамъ болѣе пяти тысячъ рублей.

Конечно, за такой поступокъ можно даже и похвалить его непреосвященство,—но вотъ бѣда,—дающая руку въ этомъ случаѣ казалась неоскудѣваемой съ весьма скверной цѣлью.

Дѣло въ томъ, что въ Тагилѣ, благодаря усиліямъ православныхъ проповѣдниковъ, расколъ начинаетъ ослабѣвать, и въ настоящее время въ этой мѣстности можно насчитать не одинъ де-

сятокъ семействъ, которыя прежде раскольниковъ, а затѣмъ пришли въ разумъ и присоединились къ Православію.

И вотъ до пожара и до пріѣзда Савватія со своими тысячами такихъ семействъ было гораздо больше, чѣмъ теперъ, а почему это такъ вышло, о томъ, кажется, не слѣдуетъ и распространяться.

Стало быть,—переходимъ послѣ этого небольшого, но необходимаго отступленія къ объясненіямъ, на какіе капиталы живетъ раскольничій лже-владыка,—стало-быть, у Савватія есть какіе-нибудь посторонніе, кромѣ жалованья, доходы.

Посмотримъ, какіе.

Ужъ если „ближнему попу“ этого лже-архіерея, Андрею Желтому, за поминовеніе на самочинныхъ обѣдняхъ Анеисы Бутиковой платили по десяти рублей „каждоразно“, ужъ если лже-протопопъ Петръ Драгунъ, за молебствованія передъ развозимымъ и днемъ и ночью по раскольничьимъ домамъ образомъ Спаса изъ одной самочинно устроенной въ Москвѣ раскольничьей церкви, не получаетъ меньше „трехъ синенькихъ“,—то, сами судите,—о „ручномъ доходѣ“ Савватія за его лже-архіерейскія обѣдни „съ поминовеніемъ“, за его молебствованія и за всѣ его прочія самочинныя службы.

Нѣсколько ниже будетъ объяснено со всѣми весьма небезъинтересными подробностями, что

этому лже-владыкѣ приходится служить заказныя обѣдни и поминать и молебствовать по заказу чуть не каждый день, а теперь, пока что, скажемъ напрямки и на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, что онъ свои самочинныя службы оборудываетъ по слѣдующей таксѣ:

Обѣдня въ полномъ облаченіи „съ выѣздомъ“ — не менѣе двухъ „радужныхъ“; обѣдня въ полномъ облаченіи „невыѣздная“ — не менѣе пяти „красныхъ“ молебствованіе или панихида въ омофорѣ „безъ выѣзда“ — не менѣе „четвертной“, „выѣздные“ же — отъ трехъ до четырехъ „красныхъ“.

Надо объяснить, что „съ выѣздомъ“ значитъ то, что лже-архіерею приходится служить внѣ своего подворья въ какомъ-нибудь раскольниковомъ домѣ, а „безъ выѣзда“ обозначаетъ службу Савватія у себя на подворьѣ.

Такимъ образомъ, „ручной доходъ“ этого лже-архіерея среднимъ числомъ опредѣляется: за день — рублей шестьдесятъ или семьдесятъ, за мѣсяць — рублей тысячи двѣ, и, наконецъ, за годъ, около двадцати пяти тысячъ рублей.

И вотъ, если приложить къ этой суммѣ общественный окладъ въ три тысячи и прибавить еще случайныхъ доходовъ, на самый худой конецъ, тысячи хоть двѣ, то годовой бюджетъ непреосвященнаго Савватія можно считать тысячъ въ тридцать. Это денежныя средства, — но не надо упускать

изъ виду, что кромѣ нихъ лже-архіерей получаетъ отъ своей паствы не малыя воспособленія къ безнуждному житію въ разныхъ, какъ выражается его „логоуетъ“ Перетрухинъ „природныхъ натуральностей“.

На „Апухтинское дворище“ не только отъ московскихъ, но даже и отъ иногороднихъ раскольниковъ доставляются въ большомъ количествѣ, въ видѣ дара: и медь, и млеко, и икорка, и рыбка, и мучка, и крупка, и, наконецъ, восковыя свѣчи, масло и ладонъ.

На сколько велики бываютъ даянія по съѣстной части, можно имѣть понятіе уже по одному тому, что съ каждыхъ поминокъ по умершемъ въ Москвѣ раскольникѣ на „владычній паекъ“ посылаются такіе транспорты всевозможныхъ явствъ, что ими все населеніе лже-архіерейскаго подворья кормится по цѣлой недѣлѣ.

И такъ, вотъ каковы средства того, кто называетъ себя „смирненнымъ, убоимъ и въ гоненіи отъ „никоніанъ“ пребывающимъ „древне-православнымъ“ епископомъ Савватіемъ“, — а теперь будемъ рассказывать, какъ онъ живетъ....

* * *

Въ пять часовъ утра Савватій уже на ногахъ и читаетъ въ „своей“ кельѣ уставное „правило“, — и оканчиваетъ его обыкновенно къ тому времени,

когда приблизительно въ половинѣ седьмого часа на „Апухтинскомъ дворщѣ“ раздается звонокъ, возвѣщающій его населенію, что „ближній попъ“ Андрей уже въ „церкви“ и начинаетъ „проскомидію.“

По этому звонку, когда очередные дьячки и лже-дьяконы спѣшаютъ въ „церковь“ черезъ главный ея входъ, лже-архіерей проходитъ въ ея „алтарь“ черезъ свою библіотеку и остается въ немъ во все время чтенія часовъ, поминутно выглядывая черезъ растворенныя „южныя“ двери.

И вотъ стоитъ лишь показаться въ этомъ раскольничьемъ „храмѣ“ какимъ-либо виднымъ изъ купеческаго званія раскольнику или раскольницѣ, Савватій, по ежедневно повторяющимся примѣрамъ, безъ всякихъ разспросовъ и докладовъ, уже знаетъ, что они пріѣхали „обѣдню заказать“, и распоряжается, чтобъ его облачали.

Такъ какъ „каеэдра“ посрединѣ „церкви“ отсутствуетъ, то облаченіе происходитъ въ „алтарь“, — и „лже-архіерей“ въ саккосѣ, омофорѣ и митрѣ показывается изъ „алтарнаго“ помѣщенія уже при началѣ своей самочинной, или лучше и вѣрнѣе сказать — своей кощунственной обѣдни.

Смотря по прибывшимъ, закащикамъ или закащикамъ, бываетъ и служба.

Ежели они „въ прежніе разы“ были на даянія не скупы, то облаченія лже-архіерея сіяютъ золотомъ,

„церковь“ освѣщается „полвелеемъ“, пѣвцы поютъ съ „громогласіемъ“, — и наоборотъ — ежели „по прежнимъ разамъ видать, что не пообѣдаешь“, Савватій „служить въ облаченіяхъ уже много поношенныхъ, „храмъ“ освѣщается „черезъ икону“, а пѣвцы еле слышно гнутятъ.

Особенно щедры на даянія за Савватіевы архикошунства и архи-безобразія на „Апухтинкѣ“ три московскія купчихи-раскольницы, которыхъ „апухтинцы“ и самъ ихъ главарь называютъ Поленькой, Оленькой и Катенькой.

Понятно, что всѣ три эти наѣзжія „малинницы“ богатыя и невѣжественныя ханжи, — и „батушка Савватіюшка“ эксплуатируетъ ихъ, елико возможно.

Изъ нихъ наиболѣе доходна для него Поленька, ибо обладая громаднымъ состояніемъ, она то и дѣло заставляеть его служить для нея кощунственной самочинной обѣдни, — и за это безобразіе летятъ въ бездонный лже-архіерейскій карманъ радужныя бумажки.

Она, мало этого — такъ мы слышали, — хочетъ построить ему въ своемъ подмосковномъ имѣніи дачу и говорить:

— Два „батушки“ у меня теперь на дачкѣ живутъ *), а на вотъ скоро и самъ „владыка“ поселится!... То-то будетъ „благолѣпіе!...“

*) Московскій раскольничій лже-протопопъ Петруха „Драгунъ и, съ позволенія сказать, „настоятель“ Рогоженскаго кладбища лже-попъ Прокопій „Крокодилъ“.

У этой-же самой „малинницы“ въ всея московскомъ домѣ, гдѣ-то въ Лефортовской части, „батьюшка Савватѣюшка“ служилъ какъ-то разъ въ самочинно устроенной моленной „утреню“ въ первый день Пасхи и безобразничалъ при этомъ до такой степени, что подъ звонъ колоколовъ сосѣдняго православнаго храма обошелъ „крестнымъ ходомъ“ вокругъ дома своей богатой ханжи-почитательницы.

Извѣстный законъ *) о раскольничьихъ молитвенныхъ собраніяхъ былъ нарушенъ самымъ дерзкимъ образомъ, но за это правонарушеніе богатая „малинница“ заплатила, по слухамъ, своему старому безобразнику лже-архіерею пятьсотъ рублей.

Кромѣ того намъ извѣстно, что въ домѣ той-же самой Поленьки, года три тому назадъ, „батька Савватѣй“ варилъ то, что раскольники называютъ муромъ, — и ханжа „малинница“ гордится такимъ совершеннымъ подъ ея крышей безобразіемъ на всю Москву.

Остальныя двѣ главныя почитательницы стараго безобразника лже-архіерея похожи на эту, — и ухаживаютъ за своимъ грѣховодникомъ до такой степени, что возятъ ему на „Апухтинку“ домашніе горячіе пирожки съ вареньемъ и вообще возятся съ нимъ, какъ возилса, по извѣстному выраженію, нѣкій „умникъ“ съ писаною торбою....

*) Законъ 3 мая 1883 года.

Послѣ такого отступленія отъ нити разсказа объ обыденной жизни Савватія, отступленія сдѣланнаго ради „купчихъ-малинницъ“, намъ слѣдуетъ разсказать, что дѣлаетъ лже-архіерей, спроворивъ свои кощунственныя утреннія службы.

И такъ начинаемъ.

Отслуживъ самочинную обѣдню, Савватій уходитъ въ свои „покой“ и, если нѣтъ никакихъ посѣтителей и посѣтительницъ, усаживается въ своей „гостинной“ за круглый предъ-диванный столъ пить подслащенную вареньемъ водицу съ тульскими пряниками, а затѣмъ послѣ этого „водопитія“ почти всегда вкушаетъ тарелочку наваристой ушки, приправляя эту снѣдь рюмками портвейна.

При посѣтеляхъ-же бываетъ нѣсколько иначе, а какъ именно, о томъ мы расскажемъ, когда придетъ чередъ повѣствовать о гостяхъ Апухтинскаго дворища.

Часу въ одиннадцатомъ утра къ Савватію является съ докладами о текущихъ раскольничьихъ „духовныхъ“ дѣлахъ его „логоуетъ“ и секретарь Климентъ Перетрухинъ и предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ко „владычному рукоприкладству“ состряпанные въ канцелярії указы и указы.

Надо при этомъ замѣтить, что у лже-архіерея есть неосторожная привычка не читать того, что подписывается, и это, конечно, бываетъ прямою

причиною того, что онъ нерѣдко попадаетъ въ неприятныя положенія.

Такъ, на примѣръ, онъ еще недавно снабдилъ своимъ „благословляющимъ“ подписаніемъ сочиненную Перетрухинымъ книжицу подъ названіемъ: „*Миръ ко внѣшнимъ*“, а между тѣмъ эта книжица возмутила своимъ содержаніемъ всю грамотную раскольничью Москву.

Иногда вмѣстѣ съ „логоуетомъ“ Савватию представляютъ и пріѣхавшіе на поклонъ, „на журьбу“ или по дѣлу къ своему лже-владыкѣ лже-попы и лже-дьяконы.

Отпустивъ Перетрухина, лже-архіерей часа два занимается за своимъ письменнымъ столомъ, — читаетъ полученныя письма и отвѣчаетъ на нихъ, бѣгло просматриваетъ газеты, а иногда и углубляется въ провѣрку оттисковъ печатающихся на гектографъ или типографскимъ способомъ раскольничьи книги и книжицы, которыя распространяются съ Апухтинскаго дворища.

Для того, кто не знакомъ съ послѣдними проявленіями жизне-дѣятельности раскола, можетъ показаться невѣроятнымъ, что для распространенія разнаго вздора, сочиняемаго раскольничьими „логофетами“, вродѣ Климента Перетрухина и Анисима Швецова, служить даже и типографскій станокъ; — но, между тѣмъ, это такъ, и мы, придетъ чередъ, объ этомъ поговоримъ.

Послѣ, такъ сказать, „кабинетныхъ“ занятій Савватій объдаеть, а затѣмъ, съ газетою въ рукахъ, чаще всего съ „*Русскимъ Листкомъ*“, ложится отдохнуть, пока не настанетъ время идти въ „церковь“ къ вечерней службѣ.

По вечерамъ, если никуда не приходится ѣхать и если нѣтъ засѣданія „духовнаго совѣта“, лже-архіерей, попивъ горячей водицы съ тульскими пряниками, опять присаживается къ своему столу читать и писать, а затѣмъ, лѣтомъ въ десять, а зимой въ девять часовъ онъ ужинаетъ и укладываетъ на ночное упокоеніе.

Таково обыденное времяпровожденіе Савватія, но оно, конечно, разнообразится его выѣздами изъ Апухтинскаго дворища, а также и пріѣздами къ нему самому гостей, въ числѣ которыхъ бываетъ, на примѣръ, и графъ Левъ Николаевичъ Толстой, — и вотъ теперь въ виду особаго интереса представляемаго этими выѣздами и пріѣздами мы поведемъ рѣчь и о нихъ....

* * *

Гости у лже-архіерея бываютъ почти каждый праздничный день, — и принимаетъ онъ ихъ въ своей гостинной тотчасъ послѣ того, какъ оборудуетъ съ лже-попомъ Андреемъ самочинную „обѣдню“.

Они, — большею частью видные и богатые, но, къ сожалѣнію, все еще продолжающіе безумную игру

въ „ряженое архіерейство“, московскіе купцы и купчихи, — разсаживаются обыкновенно около того предъ-диваннаго столика, на которомъ Савватій „вкушаетъ“ свою сладкую водичку съ тульскими пряниками, и угощаются двумя, а много тремя стаканами жидкаго чаю.

Самовара — „сей никоніанами ради чревоугодія измышленной кипятильницы“ — во „владычніе покои“ не подаютъ, а горячая вода, необходимая для заварки „китайскаго зелья“, приносится лже-архіерейскимъ келейникомъ Асономъ въ большомъ мѣдномъ сибирской работы чайникѣ.

Иногда, при гостяхъ самыхъ почетныхъ и въ московскомъ раскольникѣ обществѣ самыхъ влиятельныхъ, подается бутылочка трехъ-рублеваго портвейну и пара разрѣзанныхъ на четвертинки яблоковъ.

Съ такими великомошными поѣтителями Савватій и самъ выпиваетъ лишнюю чарку заморскаго винца, но чаю, какъ „злака идоложертвенной кровью въ Китаѣ окропленнаго“, никогда даже и не глотнетъ, хотя, надо замѣтить, никакихъ „эпитимій“ на свою прибудную паству за потребление „сего грѣховнаго напитка не налагаетъ“.

Онъ въ этомъ случаѣ ничуть не слѣдуетъ примѣру своего предшественника Антонія Шутова, который, по своему лицемѣрному святошеству и ханжеству, дѣлалъ видъ, что не можетъ не только

потреблять, но даже и видѣть ни чаю, ни сахару, — и всякій разъ, когда замѣчалъ ихъ на столѣ въ какомъ-либо раскольничьемъ купеческомъ домѣ, морщился и говорилъ:

— Уберите, совершенно тово, кобылятину-то съ идольствомъ, уберите!..

Понятно, что за описанными праздничными „водо-чаепитіями“ и „портвейно-испиваніями“ Савватія съ золоторунными баранами и овцами своего стада происходятъ разглагольствія о различныхъ раскольникѣхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ.

Но, не смотря на весь интересъ подобныхъ разглагольствій, гости у лже-архіерея Савватія подолгу не засиживаются и, замѣтивъ, что его непреосвященство все чаще и чаще начинаетъ поглядывать на висящіе въ гостинной надъ диваномъ часы, спѣшатъ откланяться, получить „благословеніе“ и удалиться.

При этомъ мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что особенно много гостей у московскаго лже-владыки раскола бываетъ въ дни его именинъ.

Онъ, какъ гоголевскій городничій, считаетъ не безвыгоднымъ справлять свои именины и весной въ апрѣлѣ, и осенью въ сентябрѣ, — и это весьма понятно, такъ какъ многочисленные поздравители безъ „пироговъ“ къ нему не пріѣзжаютъ.

Но кромѣ „древне-православныхъ“ гостей, на Апухтинскомъ дворницѣ бываютъ иногда и „никоні-

ане“, которымъ почему-либо—по собственнымъ своимъ дѣламъ, или по своимъ служебнымъ обязанностямъ—бываетъ необходимо видѣться и побесѣдовать съ главнокомандующимъ лже-иерархомъ всероссийскаго раскола.

По своимъ собственнымъ дѣламъ,—заручившись рекомендациями имѣющихъ связи съ журналисткой извѣстнаго направленія московскихъ толстосумовъ-раскольниковъ,—Савватія въ прошедшіе года нерѣдко посѣщали кое-какіе литераторы и, по всей вѣроятности, только для того, чтобъ сочинить и напечатать его біографію, которая, кстати сказать, печатно-же и своевременно была опровергнута отъ первой строки и до послѣдней.

Теперь-же такіе услужливые господа на Апухтинскомъ дворницѣ не показываются, но зато оно, позволимъ себѣ такъ выразиться, удостоилось визитовъ графа Льва Николаевича Толстого.

Что побудило графа неоднократно посѣтить лже-владыку раскола, конечно, судить не намъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не отмѣтить того впечатлѣнія, которое было произведено этими посѣщеніями на московскій раскольниковый міръ.

— Ужъ не хочеть-ли его сіятельство въ нашу „старую вѣру“ перейти?.. говорили и говорятъ московскіе „столпы и адаманты“.—Онъ, вѣдь, все свою какую то вѣру сочинялъ, да должно ничего не вышло!... Ну, вотъ, значить, и ищетъ исти-

ны,—и съ нашимъ „владыкой“ знакомство по этому самому завелъ!...

Понятно, что такіа раскольниковыя предположенія самый глупѣйшій абсурдъ, но мы передаемъ ихъ безъ всякаго преувеличенія, какъ слышали и слышимъ.

По своимъ служебнымъ обязанностямъ, гостями Апухтинскаго дворнича и его *непреосвященнаго* хозяина чаще всего бываютъ лица, облеченныя слѣдственной властью и, конечно, чиновники мѣстной полиціи.

О томъ, чѣмъ вызываются внезапныя, но всегда какимъ-то образомъ предъугадываемыя посѣщенія первыхъ, и о томъ, какія, понятно, служебныя отношенія имѣютъ къ Апухтинскому дворницѣ послѣдніе, читатели поймутъ изъ слѣдующихъ страницъ нашего повѣствованія, а теперь мы перейдемъ къ разсказу о городскихъ выѣздахъ Савватія и о путешествіяхъ его къ иногороднимъ раскольникамъ.

Собственныхъ лошадей и экипажей у „Апухтинскаго“ архи-безобразника нѣтъ, но тѣмъ не менѣе, на наемныхъ извозничьихъ одрахъ и колесницахъ ѣздить ему по Москвѣ никогда не приходится.

Всякій разъ, когда тотъ или другой раскольниковый купеческій домъ пожелаетъ видѣть лже-архіерея въ своихъ стѣнахъ гостящимъ или, что бы-

васть чаще, кощунственно исправляющимъ разныя службы, на Апухтинское дворище посылается карета.

При этомъ, иногда кормные рысаки ихъ степенствъ бывають запряжены въ этотъ экипажъ парой, иногда же запрягается, для пущей важности, и четверня.

И вотъ если приходится ѣхать „на службу“ въ такой домъ, гдѣ существуетъ самочинно устроенная раскольничья приходская „церковь“, то лже-архіерей беретъ съ собой лишь чемоданъ съ облаченіемъ и жестяную коробку съ митрой, а въ случаяхъ, если тамъ, куда пригласили, „церкви“ нѣтъ, то вмѣстѣ съ „ризами“ беретъ и „походный алтарь“, который у Савватія имѣется не одинъ.

Намъ, напримѣръ, приходилось видѣть у него эти „алтарныя“ палатки и парчевыя, и бархатныя, и шелковыя, — и всѣ они „сооружены“ усердіемъ богатыхъ представителей московскаго раскольничьяго общества.

Такіе выѣзды лже-владыки „на службу“ большею частью бывають въ тѣ дни, когда тотъ или другой московскій раскольничій приходъ справляетъ свой „престольный“ праздникъ, а затѣмъ, когда кто-либо изъ богатыхъ „столповъ и „адамантовъ“ пожелаетъ — знай, молъ, нашихъ — отпраздновать свои именины съ лже-архіерейской обѣдней въ своей собственной... опочивальнѣ.

Да, въ опочивальнѣ, и мы имѣемъ документальное свидѣтельство, что не далѣе какъ прошлой весной самочинная раскольничья „обѣдня“ была отслужена въ спальнѣ одного бывшаго члена „Московского духовнаго раскольничьяго совѣта“.

Какъ перевозится лже-архіерейскій скарбъ ради кощунственныхъ безобразій Савватія внѣ „Апухтинки“, о томъ газета „Русскій Листокъ“ передавала однажды слѣдующее:

На дняхъ — все равно когда — „батушка Савватѣюшка“ оборудовалъ самочинную „обѣдню съ выѣздомъ“ и заработалъ, надо полагать, выше таксы.

Потому кромѣ „обѣдни“ онъ спроворилъ „паннихиду“ и „молебствіе“ съ многолѣтіемъ.

Это происходило за Калужской заставой, въ мѣстности называемой Мельникова дача, на какомъ-то не то мыльномъ, не то свѣчномъ заводѣ.

Его лже-архіерейскій скарбъ возили туда на двухъ ломовыхъ извозчикахъ подъ присмотромъ писаря „Апухтинской“ канцеляріи „Студенаго“.

На первомъ полкѣ тряслись по московской мостовой чемоданы съ „облаченіемъ“ и съ „походной церковью“, а на второмъ дрягался „станокъ“, на которомъ раскидывается „алтарная“ палатка.

Проходящіе обращали вниманіе на этотъ транспортъ и говорили:

— Раскольничій архіерей безобразничать поѣхалъ!...

Самого-же Савватія возили „на службу“ въ каретѣ, — и въ ногахъ у его кучера нашлось удобное мѣсто для жестяной коробки съ „митрой“....

Иногда лже-архіерею Савватію приходится выѣзжать на поминки по богатымъ раскольникамъ, — и одинъ изъ рогожскихъ „кондитеровъ для свадебныхъ и поминальныхъ обѣдовъ“, человекъ заслуживающій всякаго довѣрія, рассказывалъ намъ, что его непреосвященство ведетъ себя за похоронными трапезами такъ, какъ будто-бы онъ и дѣйствительный архіерей, а не простецъ мірянинъ, нарядившійся въ мантию съ „источниками“ и „позвонцами“.

Относительно обычныхъ выѣздовъ лже-архіерея на засѣданія раскольникьяго московскаго синода, которыя не всегда бываютъ на Апухтинскомъ дворщѣ, а происходятъ и въ нѣкоторыхъ купеческихъ домахъ, распространяться мы не будемъ, а отмѣтимъ лишь то, что Савватій разѣзжаетъ по Москвѣ не только ночью, но даже и днемъ и совершенно открыто, перейдемъ къ той церемоніи, съ какой провожаютъ его московскіе раскольники въ иногороднія поѣздки, и какъ онъ совершаетъ эти свои путешествія....

*
*
*

Всякій разъ едва лишь разнесется по раскольникьяй Москвѣ извѣстіе, что „батюшка Савватѣ-

юшка“ намѣренъ „по епархіямъ прокатиться“, и едва лишь вслѣдъ затѣмъ сдѣлается извѣстнымъ и день его отъѣзда, какъ на Апухтинскомъ дворщѣ бываетъ большой съѣздъ „древне-православныхъ“ купцовъ и купчихъ.

За часъ до отъѣзда на ту или другую московскую желѣзно-дорожную станцію, Савватій въ своемъ „кафедральномъ храмѣ“, въ присутствіи съѣхавшихся барановъ и овецъ своей раскольникьяй паствы, служитъ коротенькое самочинное напутственное молебствіе, а затѣмъ въ полномъ своемъ „владычнемъ парадѣ“ становится на амвонъ.

Тогда купцы и купчихи, а за ними и весь штатъ Апухтинскаго дворща, начинаютъ по очереди подходить къ своему лже-владыкѣ подъ „прощальное благословеніе“, а подворскіе пѣвцы стараются перекричать одинъ другаго, распѣвая яко-бы по „демественному“, но на самомъ дѣлѣ безобразно и гнусаво: „исъ полла эти деспота“.

— Ну, ништо, оставайтесь съ миромъ и я, ништо, съ миромъ изыду!..—заключаетъ Савватій эту прощальную процедуру, и, удалившись на нѣсколько минутъ въ свои „покои“, возвращается преобразившимся изъ „мниха“ въ купца.

Двое служекъ подхватываютъ его подъ руки, бережно сводятъ съ лѣстницы, усаживаютъ въ карету, и онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ особенно ретивыхъ на игру въ „ряженое архіерей-

ство“ раскольниковъ и раскольницъ, отправляется на вокзалъ.

Заблаговременно посланные туда съ багажемъ, сопутствующие лже-архіерею, „батьки-попы“ и „батьки-дьяконы“ встрѣчаютъ его при входѣ на дебаркадеръ и проводятъ въ вагонное купэ перваго или втораго класса.

Чаще всего эту церемонію можно наблюдать на Нижегородскомъ вокзалѣ, такъ какъ маршрутъ путешествій Савватія почти всегда направляется къ Нижнему, а оттуда или на низовья Волги, или въ Сибирь.

Отправляется въ это странствіе Савватій обыкновенно въ концѣ іюня, или въ первыхъ числахъ іюля, — и на обратномъ пути изъ-за Урала или съ Поволжья къ празднику Успенія Богородицы всегда поспѣваетъ на всероссійское торжище — Нижегородскую ярмарку.

Здѣсь — нельзя же безъ этого — онъ оборудываетъ нѣсколько самочинныхъ „обѣднъ“ въ домахъ нижегородскихъ богачей-раскольниковъ, причемъ временною резиденціею его, по полицейскимъ справкамъ, чаще всѣхъ другихъ бываетъ домъ Курбатова.

По возвращеніи въ Москву, Савватію всегда приходится разбирать множество скандаловъ, приключаящихся во время его отсутствія на Апухтинскомъ дворщѣ, и мы для того, чтобъ дать поня-

тіе объ этихъ безобразіяхъ „апухтинцевъ“, когда ихъ хозяина не бываетъ дома, отмѣтимъ хоть слѣдующее.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1891 года, за отсутствіемъ „самого“, самочинная „обѣдня“ въ Апухтинскомъ дворщѣ служилъ лже-попъ Андрей Желтый.

И вотъ однажды, когда во время его кошунственной службы раскольники ожидали „большаго выхода“, вдругъ въ „алтарномъ“ помѣщеніи раздалась самая неистовая брань и топотанье ногами.

Келейникъ лже-архіерея Асонъ отворилъ „сѣверныя двери“, и та картина, которая представилась чрезъ нихъ для многихъ присутствовавшихъ въ этотъ день въ „каедральномъ храмѣ“ раскольничьей Москвы, привела ихъ въ ужасъ.

Лже-попъ Андрей Желтый, поставивъ „сосуды“ на окно, лѣзъ съ кулаками на лже-дьякона Василя Мисовскаго, а тотъ отмахивался отъ него кадиломъ.

— „Батька“, да ты съ ума сошелъ! — закричалъ на него Асонъ. — Развѣ можно въ „алтарѣ“ драку заводить?...

— Можно! отвѣчалъ лже-попъ. — Этотъ дьякониска кадить не умѣетъ, — ну, вотъ я его и обучу!

Расходившагося „батьку“ кое-какъ уняли, но тѣмъ не менѣе самочинная „обѣдня“ осталась недослуженной.

Возвратившійся изъ отлучки Савватій, конечно,

нарядилъ надъ Андреемъ Желтымъ судъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что этотъ „батька“ до сихъ поръ продолжаетъ свои кощунственные безобразія.

Но Апухтинскому архи-безобразнику не всегда удается отъѣзжать изъ Москвы въ „прогулку“ по своимъ, съ позволенія сказать, епархіямъ безъ пререканій съ московскими „столпами и адами“ раскола, въ родѣ К. Т. Солдатенкова,—и бываютъ случаи, когда они, эти денежные коноводы раскола, заставляютъ его посидѣть до поры до времени у себя на „Апухтинкѣ“.

По этому поводу мы можемъ передать слѣдующій далеко не безынтересный фактъ.

Никто, по всей вѣроятности, и не предполагаетъ что лже-архіерей Савватій содержитъ на своемъ полномъ иждивеніи громадный раскольниковій монастырь, находящійся въ сибирской „тайгѣ“, въ ста верстахъ отъ города Тобольска.

Между тѣмъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и, мало того, мы имѣемъ основаніе полагать, что и самочиннымъ учрежденіемъ своимъ эта раскольниковья обитель обязана никому иному, какъ ему же, „батьшкѣ Савватію“, ибо начало ея существованія въ дремучихъ сибирскихъ лѣсахъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ практиковался въ

лже-архіерейскихъ безобразіяхъ, шатаясь по Тобольской губерніи.

По даннымъ мѣстной полиціи, въ этомъ раскольникѣмъ и неизвѣстно на какихъ правахъ существующемъ монастырѣ братіи, лже-монаховъ насчитывается не болѣе десяти человѣкъ; по свѣдѣніямъ же московской лже-архіерейской канцеляріи, ихъ живетъ тамъ человѣкъ до 70-ти.

Эта удивительная на первый взглядъ разность въ цифрахъ объясняется очень просто,—а именно такъ:

Во время, когда туда наѣзжаетъ начальство, встрѣчать его остаются только тѣ изъ „калугеровъ“, которые имѣютъ паспорта, а остальные — безпаспортный сбродъ — скрываются въ „тайгу“, въ въ тайно-существующія въ ея дебряхъ „хижи“.

И вотъ, не смотря на то, что благомыслящіе московскіе „столпы и ады“ говорили и говорятъ своему „батьшкѣ Савватіюшкѣ“, что эта возлюбленная имъ сибирская „киновія“ легко можетъ быть удобнымъ притономъ даже и для бѣглыхъ каторжниковъ,—онъ, какъ не оставлялъ, такъ и не оставляетъ ее своими „отеческими попеченіями“.

Что-то особенное, что-то загадочное привязываетъ его симпатіи къ этой темной берлогѣ.

Во время своихъ лѣтнихъ поѣздокъ въ сибирскія страны, Савватій ежегодно оставляетъ тамъ на содержаніе тунеядствующаго сброда тысячныя суммы, а нынче, по наущенію особо ретивыхъ въ расколѣ

московскихъ купчихъ, рѣшили облагодѣтельство-
вать свою сибирскую киноію способомъ въ рас-
кольничьемъ мірѣ еще невиданнымъ и неслыхан-
нымъ.

— Владыка многомилостивый! — говорили ему вес-
ной въ тотъ годъ, когда пишутся наши очерки,
купчихи раскольницы. — У насъ теперь все имѣется
свое собственное!... Есть и митрополитъ, есть и
владыка, а поповъ въ одной твоей епархіи до пол-
тысячи насчитаешь!...

— Ништо, ништо, душа моя, — ну, хоть, Пелагея
Ивановна!.. соглашался съ „ревнительницею“ лже-
архіерей. — И „синодъ“, ништо, даже есть!...

— Есть!.. — вздыхали собесѣдницы. — И только
одного не достаетъ — „лавры“ своей собственной!...
У „никоніанъ“ вотъ „лавры“ имѣются, а у насъ
нѣтъ!... Подумай-ка, — можетъ „и лавру“ придумаешь
устроить!..

— Ништо, ништо, — подумаю!...

И дѣйствительно, на Страстной недѣлѣ нынѣш-
няго года, когда купчихи-ревнительницы собрались,
по обычаю, мыть и убирать покои своего лже-влад-
дыки, онъ объявилъ имъ, что „лавра“ будетъ.

— Вотъ, ништо — сказалъ онъ, — поѣду я лѣтомъ
въ Сибирь и, ништо, свою тобольскую киноію
въ „лавру“ произведу!...

— Батюшка!... Да какъ-же это?.. — слышались
вопросы.

— Очень, ништо, просто!... Произведу тамошняго
„игумена“ Антонія въ „архіерейскій“ санъ, — вотъ
вамъ, ништо, и дѣлу конецъ!... Киновія съ „влады-
кой“ „лаврой“ будетъ!...

„Ревнительницы“ торжествовали, — но увы!..
чѣмъ больше онѣ звонили по всей раскольничьей
Москвѣ о такомъ рѣшеніи „батюшки Савватѣюшки“,
тѣмъ замѣтнѣе становилось недовольство благо-
мыслящихъ „столповъ и алмаментовъ“ дѣйствіями
своего „ряженаго“ лже-архіерея.

И наконецъ, когда въ „Апухтинкѣ“ стали уже
готовить чемоданы для путешествія Савватія въ Си-
бирь, двое-трое вліятельнѣйшихъ общественни-
ковъ Рогожскаго кладбища напрямки заявили, чтобъ
лже-архіерей изъ Москвы не уѣзжалъ.

— Сиди ты, твое „преосвященство“, дома! — ска-
зали они Савватію. — Намъ твоими несуразностями
и такъ ужъ глаза всѣ выкололи, а ты и еще эвона
что задумалъ!... Терпятъ тебя въ Москвѣ, ну, зна-
чить, и ладно, — а вотъ поѣдешь нынѣшнимъ лѣтомъ
въ Сибирь, такъ, пожалуй, оттуда и не вернешь-
ся!... Вѣдь не даромъ-же у тебя въ „Апухтинкѣ“
судебные слѣдователи бываютъ!..

Такія строгія рѣчи заставили Савватія призаду-
маться, — и вотъ до того времени, когда эта наша
книжка готовилась къ печати, онъ дѣлать расколь-
ничью „лавру“ въ Сибири изъ Москвы еще не вы-
ѣзжалъ!...

Впрочемъ „батька Савватій“ о томъ, что ему иногда приказываютъ сидѣть безвыѣздно въ Москвѣ, особенно не тужить, ибо онъ и въ столицѣ, точно какъ въ и лѣсной сибирской глуши, ухитряется безнаказанно кощунствовать и безобразничать, сколько ему хочется и даже не одинъ, а въ компаніи съ другими раскольничьими лже-архіереями.

Рельефнѣйшимъ доказательствомъ этого можетъ служить, напримѣръ, хотъ слѣдующее:

Въ настоящее время подъ командою „батьюшки Савватіюшки“ состоитъ цѣлый десятокъ угнѣздившихся въ разныхъ мѣстахъ по Россіи раскольничьихъ лже-архіереевъ.

Добрая половина изъ нихъ считаетъ своего московскаго командира „размалеванной куклой“ и подчиняется ему только лишь потому, что этой раскрашенной игрушкой находятъ себѣ удовольствіе играть богатѣйшіе приверженные къ расколу московскіе купцы и купчихи.

Лже-архіерею Савватію это хорошо извѣстно, — и онъ всегда старался и старается пакостить такимъ своимъ подначальнымъ лже-владыкамъ всѣми зависящими отъ него способами, не исключая безымянныхъ доносовъ „никоніанскому“ начальству, а когда

кто-либо изъ этихъ его „супротивниковъ“ помираетъ, несказанно радуется и говоритъ:

— Ну, вотъ, ништо, и убрался крамольникъ!.. Я теперъ, ништо, „смиренномудраго сослужбника“ на его каеедру посажу!..

Такимъ-то радостнымъ событіемъ была для „батьюшки Савватіюшки“ въ послѣднее время смерть престарѣлаго лже-архіерея Пафнутія Казанскаго, которому онъ, надо сказать, пакостилъ до такой степени, что тотъ, незадолго до скончанія своей жизни, вынужденъ былъ съѣздить въ Бѣлую Криницу и бить тамъ челою на обидчика лже-митрополиту Аванасію.

И вотъ, когда Пафнутій умеръ, Савватій сталъ подыскивать на его мѣсто „подходящаго человѣчка“ — и, по совѣту московскаго лже-протопопа Петрухи „Драгуна“, остановился въ выборѣ на „инокъ“ Асафъ изъ раскольничьяго скита въ селѣ Безводномъ, Нижегородской губерніи.

— Асафъ мужикъ хорошій!..—говорилъ тогда „Драгунъ“.—Онъ не только что тебѣ, но даже и мнѣ въ ноги будетъ кланяться!..

— Ну, ништо, ну и ладно!..—заклучилъ „батьюшка Савватіюшка“, и сдѣлалъ въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ распоряженіе о вызовѣ Асафа изъ Безводнаго въ Москву.

Асафъ, занимавшійся до своего „иночества“ кузнечествомъ и коновальствомъ, приѣздомъ въ Бѣло-

каменную, конечно, не замедлил и вскорѣ послѣ своего прибытія былъ призванъ въ раскольничій синедріонъ, именуемый московскимъ духовнымъ совѣтомъ.

Ему объяснили въ чемъ дѣло и онъ, конечно, притворно началъ отпѣкиваться отъ предполагаемой чести быть „ряженнымъ“ раскольничьимъ лже-владыкой.

— Ну, ну, ништо, не кочевряжься!.. — потрепалъ его по плечу „батьюшка-Савватѣюшка“. — Ништо, чай, теперъ за „обѣдни“-то по желтой бумажкѣ берешь, а вотъ, ништо, какъ оборудую я тебя во владыки, такъ и съ четвертной къ тебѣ не подступишься?... А отъ „малиницъ“, ништо, все равно, что у меня, отбою не будетъ!... Ништо, ништо, рукополагайся!...

Послѣ такого „архипастырскаго“ внушенія кандидатъ въ лже-архіереи ломаться болѣе не сталъ, — и раскольничій московскій синедріонъ приступилъ къ сужденіямъ, какъ и гдѣ удобнѣе сфабриковать новаго лже-архіерея.

Надъ „Апухтинскимъ дворischemъ“ въ то время „шелъ дождь“, да еще „съ громомъ и молніей“, то есть, говоря не иносказательно, за „апухтинцами“ наблюдали, и они, по своимъ грѣхамъ, ожидали визита судебнаго слѣдователя, а потому приходилось подыскать для фабрикаціи лже-владыки уголокъ поукромнѣе.

— Обдѣлывайте дѣло въ моей моленной!.. — предложилъ „Драгунъ“. — Она рядомъ съ „никонианской“ полицейской канцеляріей находится, — и какъ-никакъ, а „никонианамъ“ и въ умъ не впадетъ, что въ ней этакое торжество будетъ оборудываться!.. А я, для отвода глазъ, въ тотъ день въ какую-нибудь другую моленную служить уѣду!...

— Вотъ, ништо, и ладно!.. — согласился „батьюшка Савватѣюшка“. — А теперъ пусть, ништо, Климентъ Аеиногенычъ въ Нижній за „владыкой“ Кирилломъ смахаетъ, и какъ только, ништо, тотъ пріѣдетъ, такъ, ништо, и дѣло оборудуемъ!...

Климентъ Перетрухинъ „смахалъ“ въ Нижегородскую губернію въ село Елесино, гдѣ живетъ лже-архіерей Кириллъ нижегородскій, — и этотъ „ряженный“, конечно, пріѣздомъ въ Москву не замедлилъ.

И вотъ въ Великомъ постѣ 1892-го года, въ Лазареву субботу, въ раскольничьей приходской „церкви“ Петрухи „Драгуна“, въ тупикѣ, рядомъ съ полицейскимъ домомъ, произошла фабрикація новаго раскольничьяго лже-архіерея во вредъ Православной Церкви.

Мы, чтобъ не оскорбить чувствъ православнаго читателя, не хотимъ описывать возмутительной и кошунственной процедуры, какъ два мужика, нарядившись въ архіерейскія ризы и обманувъ бдитель-

ность пресѣкающей ихъ безобразія власти, въ присутствіи богатыхъ московскихъ раскольниковъ и раскольниковъ, „обряжали“ въ саккосъ, омофоръ и митру третьяго мужика; мы не будемъ описывать всего этого „позорища“, а расскажемъ лишь о томъ, какъ новоиспеченный раскольниковый лже-владыка Асафъ казанскій былъ объявленъ во своемъ „сущемъ достоинствѣ“.

На амвонъ „Драгуновой церкви“ была поставлена покрытая парчей табуретка, а на нее во всемъ своемъ кощунственно-архіерейскомъ облаченіи былъ посаженъ спиной къ „царскимъ“ дверямъ кузнецъ и коноваль Асафъ.

„Ряженые“ лже-архіереи, Савватій и Кирилль, стали по обѣимъ сторонамъ вновь сфабрикованнаго „сослужбника“ и собезобразника, а лже-протодьяконъ „казанскій“ началъ провозглашать многолѣтіе „преосвященному епископу казанскому Юасафу“.

Горластые пѣвчіе затагнули „исъ полла эти деспота“, — и затагнули такъ громко, что проходящій по Николо-Ямской улицѣ народъ останавливался и недоумѣвалъ.

— Что это такое?.. — спрашивали.

— Да ничего!.. — отвѣчали знающіе. — Московскій раскольниковый архіерей Савватій радомъ съ полицейскимъ участкомъ новаго раскольниковьяго архіерея дѣлаетъ!...

— Отчего-же его въ участокъ не заберутъ за такое безобразіе?..

— Что вы?!.. Развѣ это можно?... Законовъ, говорятъ, такихъ нѣтъ!..

Послѣ самочинной „обѣдни“ съ фабрикаціей лже-архіерея, въ квартирѣ у Петрухи „Драгуна“ была „трапеза утѣшенія“, которая продолжалась до вечера.

Купчихи „малинницы“ всячески ублажали и „батьюшку Савватѣюшку“ и „роднаго Кариллушку“ и „новопоставленнаго Асафушку“, а эти трое безобразниковъ со своими присными ликовали, что все обошлось благополучно.

Дня чрезъ два, новый лже-архіерей Асафъ уѣхалъ въ свой скитъ въ Безводномъ и повезъ съ собой изъ Москвы слѣдующія даянія:

Отъ своего „командира“ Савватія три старыхъ парчевыхъ „саккоса“ и поношеную „митру“, а отъ Петра „Драгуна“ „фелонь“ бархатную зеленую, сшитую изъ стараго платья какой-то Анны Петровны.

О десятишницахъ, четвертныхъ и сотенныхъ, которыя насбиралъ онъ у купчихъ „малинницъ“, не слѣдуетъ даже и говорить, потому что это само собой разумѣется.

Такимъ-то вотъ образомъ, въ православной Москвѣ терпимый въ ней почему-то раскольниковый лже-архіерей Савватій, такъ сказать, на глазахъ у бли-

тельной полиціи, ухитряется не только служить свои кощунственныя „обѣдни“, гдѣ ему только вздумается, но даже и фабриковать для укрѣпленія раскола новыхъ подобныхъ себѣ „ряженныхъ“ лже-владыкъ....

* * *

Это несомнѣнно, что фабрикуемые „Апухтинскимъ“ архи-безобразникомъ лже-архіереи, въ родѣ, упомянутаго Асафа, служатъ ни къ чему иному, какъ только къ укрѣпленію раскола въ темныхъ народныхъ массахъ, но тѣмъ не менѣе они никогда не принесутъ столько вреда, сколько принесутъ его подпольно печатаемая и гектографируемая на средства и, такъ сказать, „по благословенію“ лже-архіерея книжонки, которыя, расходясь изъ „Апухтинки“ въ тысячахъ экземпляровъ по всей Россіи, вносятъ въ народныя массы ядовитую закваску раздорничества съ Православіемъ и, мало того, изрыгаютъ на Православную Церковь и на ея священно-іерархическихъ представителей нетерпимыя, кощунственныя хулы.

Что это неподлежащій никакому сомнѣнію фактъ, можно убѣдиться изъ того, что выпущенная изъ „Апухтинскаго дворища“, принадлежащая перу лже-архіерейскаго секретаря Климента Перетрухина, книжица „*Мечъ духовный*“ вызвала критическій разборъ своихъ безумныхъ бредней со стороны из-

вѣстнаго противораскольничьяго писателя Егора Антоновича Антонова, и что этотъ разборъ „*перетрухинской трухи*“—такъ называютъ раскольники сочиненія своего московскаго „логогета“—напечатанъ законнымъ образомъ отдѣльной брошурой.

Когда этотъ разборъ вышелъ, благомыслящіе „столпы и алмазны“ успѣшили совершенно справедливо и заслуженно пожурить своего безобразника „*батюшку Савватѣя*“.

— Неладно, „*владыка*“, дѣлаешь, не ладно!.. говорили они тогда лже-архіерею. — Забылъ, видно, ты, какъ твой стихарный „*дьяконъ*“ Миронъ Щеголинъ съ твоими подпольными книжицами во Владикавказѣ въ бѣду попалъ!... Завертѣлся ты тогда, словно бѣсъ передъ заутреней, и у насъ всѣ пороги обиль, чтобъ тебя какъ нибудь отъ отвѣта избавили!... Забылъ ты все это и опять за старое принялся!... Усмирись и не безобразничай, и насъ въ грѣхъ не вводи!..

— Ништо, ништо, благодѣтели, виновать! — оправдывался лже-архіерей, распространявшій подпольныя книжицы. — Но вѣдь, ништо, надо-же съ „*никоніанами*“ книжнымъ оружіемъ сражаться!..

— По твоему надо, а по нашему нельзя!... Эй, смотри, что опять твою „*Апухтинку*“ обыскивать будутъ!... Хорошо, что при прежнемъ твоёмъ грѣхѣ у тебя ничего не нашли и одному Мирону отдуваться пришлось, но вѣдь это не всегда такъ

можетъ быть!.. Ты вотъ что, — вели-ка этотъ самый „Мечъ“ изъ „перетрухинской трухи“ сожечь, и на будущее время съ подпольными книжищами не валандайся!.. И такъ ужъ есть слухи, что надъ тобой „дождикъ накрапаетъ!..“

И дѣйствительно, въ то время на горизонтѣ „Апухинки“ показывались „дождливыя тучи“, — и вотъ, по распоряженію перепугавшагося лже-архіерея Савватія, около тысячи экземпляровъ „перетрухинской трухи“ какъ сквозь землю провалились...

Говорили, что ихъ сожгли и при этомъ добавляли:

— Ну, да ладно!.. Мы этой самой книжицы болѣе двухъ тысячъ экземплярчиковъ, по три съ половиной рублика за каждый, распустили!.. А остальные и сжечь убытку нѣтъ!..

И это была не пустая раскольничья похвальба, а правда.

„Перетрухинская труха“ — „Мечъ духовный“ была отпечатана въ большомъ и маломъ форматѣ въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ.

За печатаніе ихъ лже-архіерей „батьюшка Савватюшка“ заплатилъ слишкомъ двѣ тысячи рублей въ двѣ подпольныя типографіи.

Одна изъ этихъ типографій существовала въ Смоленской губерніи, въ Гжатскомъ уѣздѣ, у умершаго съ годъ тому назадъ раскольничьяго лже-попа

Алексѣя Журавлева, а другая... другая существуетъ и до сего времени въ какой-то Новой деревнѣ.

Казалось бы, что лже-архіерею Савватію удобнѣе печатать свои подпольныя книжонки за границей, въ раскольничьихъ типографіяхъ, находящихся въ Австріи, въ Буковинскомъ городѣ Коломыѣ, и за Дунаемъ въ — Мануйловскомъ и Славскомъ скитахъ, но онъ, старый фокусникъ, говоритъ вотъ что:

— Хорошо тамъ. ништо, печатать, да перевозить, что напечатаешь, оттуда трудно!.. Это, ништо, только одинъ Анисимъ Швецовъ умѣетъ отсюда книги вывозить!..

Но едва затихла тревога съ „Мечемъ духовнымъ“, какъ Климентъ Перетрухинъ сочинилъ новую книжицу: „Миръ ко внѣшнимъ“, и „батьюшка Савватюшка“ вновь приложилъ свои заботы объ ея напечатаніи.

Та подпольная типографія, которая находится въ какой-то Новой деревнѣ, чрезъ одного длинно и сѣдобородаго раскольника опять приняла съ большимъ удовольствіемъ заказъ московскаго лже-архіерея, — и новая безграмотная „перетрухинская труха“ появилась въ „Апухтинской“ канцеляріи въ печатномъ видѣ.

На ея выходномъ листѣ значится, что „сія богодухновенная (о, раскольничье кощунство!) книга“ сочиненія Климента Перетрухина „издадеса въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ сотворенія

мира 7397, по благословенію древне-православнаго архієпископа московскаго Савватія.

Члены раскольничьяго московскаго синадріона, именующаго себя „духовнымъ совѣтомъ“, опять воспротивились подпольному и преступному книгоиздательству своего стараго безобразника, лже-архіерея Савватія, — и одинъ изъ нихъ, самый вліятельнѣйшій — а къ слову сказать, прежде бывший единовѣрцемъ, а затѣмъ опять „перекувыркнувшійся“ въ расколъ, — сдѣлалъ болѣе чѣмъ энергическое распоряженіе о сожженіи новаго перетрухинскаго безграмотнаго сочинительства.

— Смотри, Савватій — говорилъ этотъ, ну, хоть Иванъ Ивановичъ, — дождешься ты головомойки и съ Мясницкой!... Усмирись и не безобразничай, а эту „перетрухинскую труху“ сожги!...

— Ништо, ништо, сожгу!.. — лепеталъ старый фокусникъ предъ грознымъ купцомъ — но, повидимому, если и сжегъ новую свою подпольную книжонку, то не всю.

Это мы заключаемъ изъ того, что, когда, въ двадцатыхъ числахъ мая мѣсяца 1892 года, „Апухтинка“ готовилась къ принятію въ свои темныя нѣдра судебного слѣдователя съ обыскомъ, одну изъ этихъ подпольныхъ книжекъ новосфабрикованный въ какую-то моленную на Ордынкѣ лже-дьяконъ Яковъ нашель валяющеюся у воротъ лже-архіерейской резиденціи.

Оказалось, что „апухтинцы“, приводя свой вертепъ въ невинное состояніе и спроваживая изъ него куда-то множество совсѣмъ таки не невинныхъ предметовъ, обронили въ попыхахъ это изобличающее ихъ темную дѣятельность произведеніе....

* * *

Конечно, и лже-архіерей Савватій, и его „правая рука“ Климентъ Перетрухинъ всячески отказываются отъ изданныхъ ими и распространяемыхъ изъ „Апухтинки“ подпольныхъ книжонокъ, и мы для того, чтобъ положить конецъ ихъ заперательству и изобличить ихъ во лжи, приведемъ выдержки изъ находящихся у насъ собственноручныхъ писемъ „достопочтеннѣйшаго“ Климента Перетрухина, которыя онъ писалъ къ разнымъ раскольникамъ и раскольницамъ вскорѣ послѣ того, какъ состряпанная имъ и напечатанная въ подпольныхъ типографіяхъ, на средства лже-архіерея Савватія, книжонка „Мечъ духовный“ поступила изъ „Апухтинки“ въ тайное обращеніе по всей Россіи.

І. Изъ письма на „Иргизъ“, въ Николаевскій уѣздъ, Самарской губерніи:

„Мой „Духовный мечъ“ готовъ, только съ кѣмъ его переслать и сколько нужно? цѣна ему три рубля; я думаю ѣхать на родину и съ собой захватить штукъ пятьдесятъ; полагаю, что можно будетъ продать; а то нельзя-ли съ кѣмъ товаромъ послать;

пожалуй, штукъ сто нужно на нашъ Николаевскій уѣздъ....

II. Изъ послѣдующаго письма туда же:

„А что мой „Мечъ“ доселѣ не отправленъ къ вамъ въ Николаевскъ, въ такомъ отношеніи прошу васъ: потрудитесь накажите съ кѣмъ-нибудь, чтобъ взяли (тамъ-то и у такого-то) пятьдесятъ или сто книгъ, которыя постарайтесь распродать, потому что необходимо нужно укрѣпить въ „древне-православной“ (?) церкви народъ сумнящійся; по цѣнѣ можете продавать 2 рубля 50 копѣекъ; мнѣ будете пересылать только 2 рубля за книгу, а 50 коп. вамъ за труды; пожалуста постарайтесь, за что отъ Бога получите сугубую мзду“ (!?!).

III. Изъ письма, кажется на Черемшанъ къ „матери“ Евгении, писаннаго тогда же:

„Извѣщаю васъ, что у насъ (т. е., у лже-архіерея Савватія на „Апухтинкѣ“) есть полезная книга „Мечъ духовный“, которая недавно вышла въ свѣтъ; цѣна три рубля за книгу съ пересылкой; если желаете имѣть, то пришлите денегъ и напишите, сколько нужно для вашего всего общества; я совѣтую каждому христіанину (?) по одной; но только нужно посекретнѣе; скажите секретно и Зубовымъ....“

Такихъ документальныхъ и имѣющихся у насъ на лицо данныхъ, [кажется, вполне достаточно, чтобъ тотъ фактъ, что московскій лже-архіерей Савватій и его „логоуетъ“ Климентъ Перетрухинъ

„выпускаютъ въ свѣтъ“ подпольныя и сѣюшія въ простомъ народѣ раздоръ съ Православною Церковью книжонки и распространяютъ ихъ отъ 50 до 100 „штукъ“ на уѣздъ, остался несомнѣннымъ фактомъ доселѣ ненаказаннаго *уголовнаго преступленія*....

* * *

Послѣднимъ, почти современнымъ изданію нашей книжки, произведеніемъ подпольной печати „Апухтинскаго“ архи-безобразника и его клеветовъ явилась омерзительная гектографическимъ способомъ въ пятистахъ—такъ мы слышали—экземплярахъ воспроизведенная книжонка „Раекъ“, которая изрыгаетъ хулу и клевету на высокоуважаемыхъ московскихъ борцовъ съ расколомъ, участвовавшихъ на извѣстныхъ собесѣдованіяхъ въ Таганкѣ, въ домѣ И. С. Шумова, а именно на преосвященнѣйшаго епископа Виссаріона, на отцовъ архимандритовъ Іону и Павла Прусскаго, на протоіерея І. Г. Виноградова и на всѣхъ прочихъ, не исключая даже и издателей противораскольничьяго журнала „Другъ истины“.

Это новое произведение подпольной апухтинской печати находится у насъ подъ руками, и мы воспользуемся имъ лишь для того, чтобъ показать послѣдователямъ такъ называемой „старой вѣры“, до какой степени опошлились тѣ ихъ коноводы, кото-

рыхъ они именуютъ. съ позволенія сказать, „архі-епископами“, а въ особенности этотъ архи-безобразникъ „батька Савватѣй“.

Еслибъ, напримѣръ, какой нибудь турецкій мулла обратился къ своимъ мусульманамъ съ проповѣдью Ислама на томъ пошломъ жаргонѣ, на которомъ говорятъ во время уличныхъ представленій площадные гаеры, то мусульмане — въ этомъ мы увѣрены—признали-бы этого балаганствующаго проповѣдника сумасшедшимъ, заставили-бы его замолчать и въ случаѣ непослушанія или упрямства убрали-бы куда нибудь подальше.

Между тѣмъ этотъ—не во-истину будь сказано—„древне-православный архіепископъ царствующаго града Москвы“ обращается къ своей раскольничьей паствѣ съ разухабистой рѣчью самаго низменнаго скомороха, а паства, ничуть не стыдясь балаганныхъ фортелей своего архи-пастуха, даже поощряетъ его безобразія, раскупая на „Апухтинкѣ“ и въ другихъ мѣстахъ мерзкій и гнусный „Раекъ“ своего „батюшки Савватѣюшки“.

Въ самомъ дѣлѣ, не гнусно-ли, не омерзительно-ли, хотя бы даже и раскольничьему „владыкѣ“, обращаться къ своимъ послѣдователямъ съ такими словами:

„Добраго здоровья,

„Молодчики-хваты,

„Бѣдны и богаты,

„Попы съ „дьяконами“,

„Бабы съ мужиками,

„Купцы и крестьяне,

„Разные селяне,

„Ваши благородія,

„Барскія отродія,

„Дѣвки молодушки,

„Старики, старушки,—

„Всѣмъ безъ исключенія

„Мое распочтеніе—

„Ахтительное!...“

Скажите-же на милость не напоминаетъ ли вамъ это воззваніе неперосвященнаго Савватія къ своимъ пасомымъ извѣстныя выкликанія такъ называемыхъ „балаганныхъ масляничныхъ дѣдовъ!“

А что это выкликаетъ именно онъ съ аккомпаниментомъ своихъ поддужныхъ, сомнѣваться нельзя, ибо ни одна подпольная книжонка въ расколѣ не появлялась безъ вѣдома московскаго апухтинскаго архи-безобразника.

Цитируемъ далѣе.

Лже-архіерей Савватій описываетъ своимъ послѣдователямъ устройство изрыгающаго хулу на Православіе омерзительнаго „Райка“.

„Я—раешникъ, —

„Кой на что дотошникъ,

„Раекъ принеси новый,

„Изъ доски дубовой

„Мной самимъ сколочень,

„Конекъ позолочень,
 „По краямъ игрушки:
 „Звѣрки и пичужки,
 „Селезень косатый,
 „Индючекъ пузатый,
 „А на верхушкѣ пѣтушокъ,
 „Золотой гребешокъ;
 „Крыльями махаешь,
 „Пѣсни распѣваешь
 „И разныя сказки,
 „Были и побаски—
 „Заслушаешься!...“

„Раекъ“, судя по этому разухабистому описанію „батьки Савватѣя“, снаружи довольно красивъ, но красивъ, какъ „уробъ повланный“, изъ внутренности котораго „смердитъ“.

И дѣйствительно, съ первыхъ-же „картинокъ“ своего „апухтинскаго“ „Райка“ московскій раскольничій архи-безобразникъ начинаетъ языкомъ балаганнаго паяса изрыгать хулу и клевету на Православную Церковь, которая будто бы поступаетъ съ послѣдователями такъ называемой старой вѣры по примѣрамъ средневѣковой католической инквизиціи.

А именно вотъ какія клеветническія и „отцомъ всякой лжи“ подсказанныя слова имѣетъ наглую дерзость выговорить „батька Савватѣй“:

„Соборнымъ закономъ
 „Съ триумфальнымъ звономъ
 „Кнутами стегаютъ,

„На пытку вѣдымають,
 „Въ вѣрѣ исправляютъ
 „По новому вѣрить заставляютъ
 „По инквизиторски!“

И далѣе:

„На кострахъ сжигаютъ,
 „Языки отрѣзають,
 „Въ ровъ-яму сажаютъ,
 „На кладезь похожій,
 „Куда и свѣтъ не доходитъ Божій,—
 „И не знаешь, что зима, что лѣто;
 „Какъ вамъ нравится картинка эта—
 „Пріятнѣйшая?...“

И это говорится въ то время, когда самъ расколь — чему уже много дано доказательствъ — всачески глумится и издѣвается надъ Православіемъ, а Православная Церковь съ материнскою любовью простираетъ лишь мирный „позывающій гласъ“ свой къ ея пребывающимъ въ расколѣ чадамъ.

Какую нужно имѣть дерзость, чтобъ говорить все это да еще такимъ балаганнымъ, глумящимся языкомъ, не страшась при томъ упоминать все и великое имя Божіе?..

Эту дерзость, это кощунственное безуміе можетъ имѣть только раскольничій лже-архіерей Савватѣй, выпускающій свои омерзительныя подпольныя книжицы.

Но вотъ онъ, апухтинскій архи-безобразникъ, осмѣливается въ своемъ „дубовомъ Райкѣ“ перейти

къ пасквильно-клеветническому изображенію „картинокъ“, какъ

„Московскіе миссіонеры,

„Никоновой (?) вѣры,

„Почти всякое воскресенье

„Производить о вѣрѣ пренье

„Съ не ихъ братцами,

„Старообрядцами....“

И что-же онъ, этотъ нетерпимый клеветникъ, говоритъ?

А вотъ что:

„На преньяхъ тѣхъ отцы,

„На всѣ лады молодцы,

„Что угодно исполняютъ,

„Попоютъ и почитаютъ,

„Небылицы вамъ расскажутъ,

„А правды не покажутъ,

„А всегда одно и то-жъ

„Объясняютъ свою ложь....“

Возможно-ли не возмутиться и не возкорбѣть, слыша эту, балаганнымъ языкомъ высказанную, ложь, — ложь на всѣхъ служителей святаго дѣла просвѣщенія раскола путемъ мирныхъ бесѣдъ о вѣрѣ, — ложь и клевету на православныхъ епископовъ, архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ?..

Терпимо-ли, наконецъ, что этотъ омерзительно-гаерскій „Раекъ“ чуть что не открыто продается и обращается въ Москвѣ и за Москвою?..

Мы могли-бы продолжать выписки изъ этой подпольной книжонки, но этотъ раскольничій лжеархіерей Савватій, поучающій свою паству жаргономъ площадныхъ раешниковъ, доходить далѣе въ своихъ хулоизверженіяхъ, какъ говорится, до геркулесовыхъ столбовъ.

Онъ не оставляетъ безъ своей балагамно-гаерской и неслыханно дерзкой брани ни преосвященнаго епископа Виссаріона, руководившаго собесѣдованіями съ раскольниками, никого изъ высокочтимыхъ сотрудниковъ его преосвященства, ни даже и православныхъ посѣтителей бесѣдъ въ домѣ И. С. Шумова.

О послѣднихъ балаганствующій „батька Савватій“ говоритъ между прочимъ вотъ что:

„Къ Шумову на пренье

„Слушать чтенье

„И празднословія

„Ходятъ люди всякаго сословія:

„Дегтяри и шорники,

„Повара и дворники,

„Также краснорядцы

„Юхотники-братцы,

„Портные-ярыжники,

„Конскіе барышники

„И разная аристократія

„Ковшовая братія

„Разнокалиберная!...“

И далѣ:

„Изъ этихъ людей праздныхъ,

„Шумныхъ безобразныхъ,

„Пришедшихъ для прилику

„Собрали „отцы“ клику

„Для поднятія крику,

„Чтобъ кричали

„И ихъ выручали

„Отъ напасти

„По бесѣдной части,

„Если не тяга будетъ!...“

Это правда, что собесѣдованія посѣщаются людьми всякаго званія, и этому надо только радоваться.

Остальное-же, что весь этотъ народъ собирается лишь для того, чтобъ выручать высокопочтенныхъ и просвѣщенныхъ отцовъ-собесѣдниковъ,—наглѣйшая ложь и клевета *непреосвященнаго* раешника лже-архіерея Савватія.

Омерзительный „*Раекъ*“ кончается тѣмъ, что общаются придти съ новыми „картинками“, которыя

„По порядку размѣстятъ,

„Всѣхъ на славу угостятъ

„Въ назиданіе....“

Что же сказать послѣ всего этого?...

Скажемъ лишь одно.

Да устыдятся послѣдователи такъ называемой „старой вѣры“ за своего лже-архіерея Савватія, который балаганнымъ языкомъ площаднаго раешника поучаетъ свою паству.

Затѣмъ остается пожалѣть, что расколъ въ верховныхъ своихъ дѣятеляхъ и представителяхъ опошлится до такой степени, что принимаетъ омерзительные „райки“ за учительныя и назидательныя произведенія своей подпольной литературы и даже захлебывается, читая ихъ балаганныя вирши....

* * *

Гораздо лучше было-бы со стороны коноводовъ раскола не сочинять такихъ омерзительныхъ и гнусныхъ „райковъ“, а открыто выступать на собесѣдованіяхъ съ высокоуважаемыми проповѣдниками Православія.

Но они этого не дѣлаютъ и даже своей раскольничьей паствѣ запрещаютъ.

Пять или шесть лѣтъ тому назадъ, московскій, съ позволенія сказать, „духовный“ раскольничій со вѣтъ издалъ и циркулярно разослалъ по всей Россіи опредѣленіе, запрещающее „всѣмъ древне-православнымъ христіанамъ“—читай: всѣмъ раскольникамъ—вступать въ собесѣдованія о вѣрѣ съ „никоніанскими“, то-есть—это само собой понятно,—съ православными миссіонерами.

Главнѣйшими авторами этой „буллы“ всероссійскаго раскольничьяго „синода“ были, конечно, предсѣдатель его—московскій „апухтинскій“ лже-архіерей Савватій и „правая рука“ его *непреосвященства*—„логоуетъ“ Климентъ Перетрухинъ.

Единственнымъ поводомъ къ запрещенію „собесѣдовать“ послужило, въ данномъ случаѣ, то весь-

ма невыгодное и, мало того, даже страшное для московских заправиль раскола обстоятельство, что всѣ раскольничьи „логоѣты“ уходили съ бесѣдъ съ православными миссіонерами, не только не защитивъ своихъ лжемудрованій, но, скажемъ прямо, — вѣщимъ и рельефнѣйшимъ образомъ доказавъ открыто и всенародно всю ихъ неправоту, послѣдствиемъ чего во многихъ или, вѣрнѣе сказать, въ большинствѣ такихъ миролюбивыхъ состязаній заблужденія съ истиною бывали обращенія раскольниковъ въ лоно Православія.

Мало-мальски здравомыслящихъ приверженцевъ раскола такое распоряженіе „батьки-Савватѣя“ и его присныхъ весьма удивило, — и мы года три или четыре тому назадъ слыхали въ Москвѣ такія рѣчи:

— Что-же это такое значить, что „владыка“ запрещаетъ „старую вѣру“ защищать...—говорили разсудительные московскіе раскольники.—Если мы правы, такъ отчего же и не защищаться!... Нѣтъ, это не ладно!...

Но лже-архіерей Савватій и его приспѣшники, какъ говорится, и въ усъ не дули виду такихъ сѣтованій лучшихъ овецъ ихъ раскольничьей паствы, своего дикаго опредѣленія не отмѣняли, — и на собесѣдованіяхъ православныхъ мисіонеровъ — говоримъ о бесѣдахъ въ домѣ И. С. Шумова въ Таганкѣ — никто изъ защитниковъ раскола на выступаль.

○ Появлялся иногда лишь какой-то Заваловъ, который, какъ „противоокоужникъ“, не считалъ нужнымъ подчиняться опредѣленіямъ „окоужника“ Савватія.

Въ виду всего этого недовольство болѣе разсудительныхъ московскихъ раскольниковъ опредѣленіями своего „синаода“, съ „батькой Савватѣемъ“ во главѣ, возросло до такой степени, что они въ 1890 году стали открыто требовать, чтобъ его не-преосвященство посылалъ на собесѣдованія въ домъ Шумова своего секретаря и „логоѣта“ Климента Перетрухина.

— Что-же намъ теперь, ништо, дѣлать?—спрашивалъ тогда лже-архіерей свою „правую руку“. — Ты вѣдь, Климентъ, ништо, ни устоишь передъ „никоніанцами“-то!

— На „полемикѣ“ еще можно повертѣться!—объяснилъ Перетрухинъ. — А какъ пойдетъ дѣло о непрерываемости трехчиной іерархіи въ истинной Христовой Церкви, надо бѣжать!...

— То-то вотъ, ништо, и есть!...

— Ну, да ладно, „владыка“, какъ-нибудь вывернемся!...

И вотъ послѣ этого „логоѣтъ“ московскаго раскольничьяго лже-архіерея засѣлъ за сочинительство какихъ-то вопросовъ православнымъ собесѣдникамъ, а затѣмъ, когда эта работа была

закончена, написалъ къ другу своему, какому-то Ивану Ивановичу, слѣдующее посланіе:

„Многоуважаемый другъ, Иванъ Ивановичъ!

„Сегодня я шель Таганкою и увидалъ объявленіе, прибитое на дверяхъ дома Касичкина (помѣщеніе И. С. Шумова), что въ будуще воскресенье, 28-го сего октября, будетъ бесѣда со старообрядцами. Закипѣло мое сердце ревностію о „святой древне-православной церкви“ (?!), которая поносима отъ этихъ адскихъ проповѣдниковъ, а потому я написалъ черновикъ и посылаю къ тебѣ на разсмотрѣніе. Не переписать ли намъ его и при открытіи бесѣды не послать-ли кого-либо изъ старообрядцевъ, который вручилъ-бы нашъ пакетъ епископу Виссаріону и попросилъ бы прочесть во всеуслышаніе? Можетъ быть, мы этимъ зацѣлый годъ отдѣлаемся отъ нихъ, да отъ Завалова откажемся, чтобъ онъ насъ не позорилъ, проклятый. Подумай, Бога ради (!), какъ это бучше слѣлать и возвѣсти мнѣ. Я бы и самъ къ тебѣ пришелъ, но знаешь, мое нездоровье не позволяетъ никуда ходить. Посылаю тебѣ низкій поклонъ. Любяшій тебя—

Фрашкыи Климентъ Перетрухины

Изъ этого письма, подлинникъ котораго мы можемъ представить, видно, что лже-архіерейскій „логоуетъ“ даже и предъ другомъ своимъ скрываетъ истинную причину происхожденія сочиненнаго имъ „черновника“.

Сознаться въ ней было неудобно, и онъ пустился на весьма неискусныя выдумки.

По своей болѣзни онъ не могъ никуда выходить, а между тѣмъ пишетъ: „шелъ я Таганкой, увидалъ объявленіе и воспылалъ ревностію...“

Но это не важно, а важно то, что въ своемъ письмѣ, которое обошло чуть не полъ-Москвы, онъ дерзаетъ называть православнаго епископа пресвященнаго Виссаріона и подвизавшихся вмѣстѣ съ нимъ на собесѣдованіяхъ православныхъ служителей Церкви—адскими проповѣдниками!!!

Сами раскольники, не говоря уже о православныхъ, были возмущены такимъ посланіемъ вышедшимъ изъ темныхъ нѣдръ „Апухтинки“, гдѣ обитаетъ лже-архіерей Савватій,—и, по всей вѣроятности, это-то и послужило главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что сочиненные Климентомъ Перетрухинымъ и наполненными такими-же хулами и ругательствами на Церковь вопросы къ православнымъ собесѣдникамъ дальше вышеназваннаго Ивана Ивановича не ушли.

И вотъ послѣ этой неудачной попытки лже-архіерея Савватія изрыгнуть устами или писатель-

ствомъ своего „логоета“ раскольничью хулу на Православіе въ публичномъ собесѣдованіи съ православнымъ епископомъ, изрыгнуть ее вмѣсто безсильнаго сознанія въ своей неправотѣ и заблужденіяхъ, — до сихъ поръ благоразумныя желанія здравомыслящихъ приверженцевъ такъ называемой „старой вѣры“ — видѣть и слышать кого-либо изъ своихъ главарей совопросниками миссіонеровъ, какъ они выражаются, „господствующей“ Церкви — остаются все еще только желаніями.

Но они, повидимому, добьются своего, — и раскольничій московскій „синодъ“ съ предсѣдающимъ въ немъ „батькой Савватѣемъ“, какъ-ни-какъ, а все-же отмѣнить свою запрещающую собесѣдовать съ „никоніанами“ буллу.

Мало этого, есть надежда, что они заставятъ выступить на собесѣдованіяхъ самого Климента Перетрухина, который, какъ видно изъ вышесказаннаго, хотѣлъ „отвязаться на цѣлый годъ“ отъ „адскихъ“, по его словамъ, проповѣдниковъ какимъ-то начиненнымъ хулою на Православіе пакетомъ.

Дѣло въ томъ, что въ рукахъ у этихъ здравомыслящихъ приверженцевъ раскола, пока что, находится письмо московскаго лже-архіерейскаго „логоета“, написанное имъ къ кому-то въ то время, когда онъ добивался своей настоящей должности.

„Гдѣ наши правители корабля?... — писалъ онъ

тогда. — Гдѣ наши полководцы?... Кто будетъ стоять въ передовой линіи въ борьбѣ со врагами?... Прошли, должно быть, ихъ дни, въ которые бы я, многогрѣшный и всѣхъ послѣднѣйшій, стремглавъ-бы бросился къ тому пламя (?!), на тотъ боевой пунктъ, гдѣ побиваютъ нашихъ воиновъ, и во имя всемогущаго Бога (!?!!) расшибъ бы враждебныя полчища нашихъ противниковъ!...“

— Что-жъ найдешь въ передовую линію? — говорятъ Перетрухину названныя лица, прочитывая ему эти собственноручныя его строки. — Ты теперь нашъ полководецъ, такъ иди и сражайся!... Посмотримъ, — расшибешь ли ты своихъ противниковъ!...

* * *

Такимъ образомъ, „Апхтинскіе“ коноводы раскола боятся или, вѣрнѣе сказать, трусятъ выступать съ защитою своихъ заблужденій на открытыхъ и мирныхъ собесѣдованіяхъ съ проповѣдниками Православія, но за то они ведутъ тайную и непозволительную борьбу съ противоборствующими расколу православными архипастырями.

Вся Россія знаетъ, что высокопреосвященнѣйшій Θεогностъ неустанно и, по благословенію Божію, побѣдоносно противодѣйствуетъ въ своей Владимірской епархіи распространенію раскола и,

можно съ увѣренностью сказать, поколебаль его тамъ до основанія.

Православное миссіонерское братство, благостно руководимое своимъ архипастыремъ, съ каждымъ не только годомъ и мѣсяцемъ, но даже и днемъ возвращаетъ словомъ увѣщанія и вразумленія въ лоно Православной Церкви заблудшихъ ея чадъ,— и раскольничья паства лже-архіерея Савватія во Владимірской епархіи, какъ говорится, таетъ.

А между тѣмъ, именно изъ Владимірской епархіи, гдѣ такъ много богачей-раскольниковъ, владѣющихъ громадными фабриками, въ бездонный карманъ Савватія шелъ чрезвычайно большой доходъ.

Время отъ времени онъ наѣзжалъ къ владимірскимъ купцамъ-фабричникамъ, кошунствовалъ, продолжая свои самочинныя обѣдни въ моленныхъ на ихъ фабрикахъ, любезничалъ съ тамошними богатыми „малинницами“ и возвращался въ Москву на свою „Апухтинку“ съ изряднымъ запасомъ радужныхъ.

Поэтому успѣшная борьба высокопреосвященнаго Θεогноста съ расколомъ, уменьшавшая его, Савватіевы, заработки во Владимірской епархіи, не давала ему спать.

— Ну, ништо!.. говорилъ онъ Клименту Перетрухину. — Мы что-нибудь, ништо, да придумаемъ!.. Не уступлю я „ніконіанскому“ (?!?) архіерею, не уступлю!..

— Одно дѣло, что не уступимъ!.. отвѣчалъ раскольничій лже-архіерейскій „логоуетъ“, безграмотный сочинитель подпольныхъ книжонокъ. — Придумаемъ что-нибудь, придумаемъ!..

И дѣйствительно, придумали по истинѣ дьявольскую штуку.

У православныхъ миссіонеровъ въ епархіи высокопреосвященнѣйшаго Θεогноста есть достойный всякаго подражанія обычай—направлять раскольниковъ, для вящаго вразумленія ихъ древними пергаментными церковно-богослужебными книгами, въ Москву въ патриаршее и другія извѣстныя книгохранилища.

Здѣсь раздорники съ Церковью воочію убѣждаются древними подлинными книгами въ ложности всѣхъ своихъ убѣжденій и, ничто-же сумняшеся, присоединяются къ Православію.

Этимъ-то вотъ обычаемъ миссіонеровъ Владимірской епархіи и воспользовались рыкающіе на Церковь волки „Апухтинскаго дворища“ — лже-архіерей Савватій и его наперсники.

Всякій разъ, едва лишь владимірскіе „столпы и алмазны“ дадутъ знать своему старому фокуснику „батькѣ Савватію“, что высокопреосвященнѣйшій Θεогностъ направилъ въ Москву въ ея древнія книгохранилища кого-либо изъ раскольниковъ, „Апухтинцы“ стерегутъ этихъ пріѣзжихъ и увлекаютъ

ихъ всѣми способами въ свою темную, и увы! до сихъ поръ все еще терпимую въ Москвѣ берлогу.

И тамъ, въ этомъ вертепѣ уголовныхъ и иныхъ преступлений ненаказуемаго притонодержателя въ Сибири бѣглыхъ каторжниковъ, ненаказуемаго распространителя подпольныхъ книжонокъ, ненаказуемаго хулителя Православія, — въ вертепѣ того, кто, какъ-бы издѣваясь надъ свято-апостольскою хиротоніею высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго Леонтія, безнаказанно и открыто называется и подписывается „*архіепископомъ царствующаго града Москвы Савватіемъ*“, въ этой темной норѣ, гдѣ „*батька Савватій*“ называетъ своихъ купчихъ — „*малинницъ*“ *діакониссами*, Поленьками, Оленьками и Катеньками, употребляютъ всѣ мѣры, чтобъ ослѣпить, обмануть и удержать въ расколѣ направленныхъ въ Москву владимірскимъ православнымъ архипастыремъ мірянъ.

— Древнія книги всѣ поддѣланы и подчищены! — взываетъ лже-архіерейскій „*логоуеть*“. — Древнія иконы всѣ поправлены!... Нечего вамъ на нихъ смотрѣть!... Не ходите вы туда, гдѣ онѣ хранятся!...

— Ништо, ништо!... бормочетъ старый фокусникъ Савватій. — Не ходите туда, не ходите!...

И находится не мало слабыхъ и легковѣрныхъ простецовъ, которые вѣрятъ такимъ увѣщаніямъ московскаго лже-архіерея раскола и уѣзжаютъ

изъ Москвы такими-же раздорниками съ Православіемъ, какими и пріѣхали.

Благословенные труды высокопреосвященнѣйшаго Θεогноста остаются въ такихъ случаяхъ безплодными, а дьявольское ухищреніе лже-архіерея Савватія торжествуетъ.

— Вотъ такъ!.. говоритъ кощунственный самозванецъ „*батька Савватій*“. — Вотъ такъ, ништо, мы и будемъ всегда дѣлать!...

Мы могли бы привести имена всѣхъ совращенныхъ такимъ образомъ на „*Апухтинскомъ дворищѣ*“, но дѣло не въ именахъ, а въ фактахъ.

Факты же эти, нами разоблачаемые, можетъ подтвердить каждый изъ миссіонеровъ Владимірской епархіи, противоборствующихъ распространенію раскола.

Распространяться-же о всей нетерпимости, о всей подлости такихъ продѣлокъ московскаго лже-архіерея раскола — Савватія, кажется, и не слѣдуетъ.

Лучше передадимъ фактъ, свидѣтельствующій съ достаточною ясностью о томъ, что въ той-же Владимірской епархіи, благодаря какому-то фокусничеству „*батьки Савватія*“, пропагандѣ раскола какъ будто оказывается покровительство.

Дѣло вотъ въ чемъ:

Въ селѣ Новомъ, Владимірскаго уѣзда, уже бо-

лѣ десяти лѣтъ существуетъ раскольничій женскій монастырь, основанный какой-то „черной дѣвой“,—такъ называются дѣвицы-раскольницы „брачнаго житія бѣгущія и въ дѣвствѣ своемъ преуспѣвающія до послѣдняго предѣла“.

Въ монастыркѣ этомъ до настоящаго времени жили двадцать старицъ и въ числѣ ихъ знаменитая Татьяна Борисовна, болѣе сорока разъ побывавшая въ Бѣлой Криницѣ у раскольничьихъ митрополитовъ, шестьдесятъ разъ навѣщавшая суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, когда тамъ находились раскольничьи лже-архіереи—Конопъ, Аркадій и Геннадій, и наконецъ прославленная въ расколѣ тѣмъ, что вмѣстѣ съ московскимъ лже-протопопомъ Петрухой Драгуномъ сманила изъ Чудова монастыря за границу печальной и позорной памяти Пафнутія Овчинникова.

Всѣ эти старицы, инокини и просто „черницы“, никакихъ залежныхъ капиталовъ не имѣли и кормились частью своими трудами, частью-же подаяніями, и, вообще говоря, жили, никому не мѣшая, а главное—не выставлялись на глаза тѣмъ, что онѣ придерживаются „старой вѣры“, и такимъ образомъ раскола не пропагандировали.

Но вотъ съ тѣхъ поръ, какъ попечителями этой „обительки“ сдѣлались: одинъ владимірскій торговецъ-раскольникъ и одинъ надворный совѣтникъ, „перемазавшійся“ изъ Православія въ расколъ,—

московскій раскольничій „синодъ“ со своимъ главою—„батькой-Савватѣемъ“ захотѣлъ обратить „сію новосельскую киноію“ въ такой очагъ, изъ котораго вредный чадъ и дымъ раскола распространялись-бы и на окрестное православное населеніе.

Названные раскольники, владимірскій торговецъ и владимірскій надворный совѣтникъ, вызывались по этому случаю нѣскольکو разъ на „Апухтинку“, и дѣло кончилось тѣмъ, что лже-архіерей Савватій и его приспѣшники лже-попы—Петруха „Драгунъ“ и Прокопій „Крокодилъ“ рѣшили послать „для устроенія женскаго раскольничьяго монастырка“ опытную „настоятельницу“.

Выборъ палъ на черемшанскую мать Энафу,—раскольницу-пропагандистку самага высшаго разбора.

Эта „настоятельница“ прибыла въ Новое село весной нынѣшняго года и, по инструкціи, данной ей раскольничьимъ архи-командиромъ Савватіемъ и его, съ позволенія сказать, „синодомъ“ начала заводить свои порядки.

— Я все это старое отсюда выведу!..—говорила она про старухъ-раскольницъ.— У меня здѣсь не такія „инокини“ будутъ!..

И вотъ началось гоненіе старицъ,—и оба попечителя, владимірскій купецъ и владимірскій надворный совѣтникъ, всячески содѣйствовали этому.

Но обреченныя на „выгонку“ старухи, во главѣ

съ знаменитой Татьяной Борисовной, употребили всѣ силы, чтобъ остаться въ насиженномъ мѣстѣ и „мать Энафа“ слышала отъ нихъ только одно:

— Не покинемъ мы своихъ келій, ни за что не покинемъ!.. Мы ихъ для того и строили, чтобъ умереть въ нихъ!..

— А вотъ посмотримъ!..—отвѣчала мать Энафа.—Я на васъ самого „батьошку-Савватѣя“ напущу!.. Онъ вамъ задастъ нахлобучку!..

Угроза эта не осталась не исполненной,—и 24-го іюня оба попечителя Новосельской „киновіи“ явились въ нее въ сопровожденіи начальства, въ образѣ полицейскаго урядника, и начали вычитывать передъ собравшимися „инокинями“ постановление „московскаго духовнаго совѣта“.

Въ этомъ постановленіи значилось, что если назначенныя къ удаленію изъ обители „непокорныя старицы“ не послушаютъ „его высокопреосвященства архіепископа московскаго Савватія“—„киновіи“ не оставлять, то онѣ будутъ удалены „*мтрами надлежащей власти*“.

— Слышите, что предписываетъ „высокопреосвященный?“—обратился къ „монахинямъ“ надворный совѣтникъ.— Не уйдете добромъ, мы васъ силой выпроводимъ!..

„Инокини“ молчали.

— Уходите или нѣтъ?..—былъ новый вопросъ попечителя.

— Нѣтъ, не уходимъ!—отвѣчали старухи.—Дѣлайте съ нами, что хотите, а мы своихъ келій не оставимъ!..

— А вотъ посмотримъ!..

И дѣйствительно, посмотрѣть было на что.

Одинадцать старухъ были *выгнаны* изъ монастыря,—и вотъ имена наиболѣе пострадавшихъ: Марія „сирота“ со своей престарѣлой бабушкой, знаменитая Татьяна Борисовна, „мать“ Евлампія и „старицы Александра и Анна“.

Пять „матерей“ изъ изгнанныхъ уѣхали въ Черкасы, въ тамошній раскольничій женскій монастырекъ, а Татьяна Борисовна съ остальными осталась въ Новомъ селѣ и хотѣла кому-то жаловаться на своего „батьку-Савватѣя“.

А онъ теперь въ своей „Апухтинкѣ“ только посмѣивался.

— Ништо!—говорилъ.—Дѣло теперь, ништо, сдѣлано!.. Подсобили мы, ништо, матери Энафѣ выгнать ея супротивницъ,—и теперича она, ништо, монастырекъ этотъ самый въ лучшемъ видѣ устроить!.. На десять волостей изъ него „древнее благочестіе“ проистечетъ!..

И дѣйствительно, судя по прошлому матери Энафы, она съумѣетъ устроить въ Новомъ селѣ новый расадникъ раскола,—и надо удивляться, что ей въ этомъ случаѣ, *въ силу предписанія московскаго*

раскольничьяго синода и его верховода „батьки-Савватія“, содѣйствовали даже мѣры власти.

Этотъ фокусъ лже-архіерея Савватія, этотъ его кунштюкъ, даетъ полное основаніе для вопроса: да когда-же, наконецъ, обуздають беззаконія московскаго раскольничьяго лже-архіерея?...

Вѣдь, какъ ни думай, а то, что случилось въ Новомъ селѣ, даетъ поводъ полагать, что тамъ не только не противоборствуютъ расколу, но даже приводятъ въ исполненіе мѣрами власти опредѣленіе какого-то проходимца „батьки-Савватія“ и раскольничьяго московскаго синердіона!...

Другими словами говоря, тамъ оказывается какъ будто покровительство пропагандѣ раскола.

И это въ такое время, когда наша Православная Церковь и ея высшіе представители, а также и высшее гражданское правительство, усиленно заботятся искренивъ изъ предѣловъ нашего отечества разныя секты и расколы...

* * *

Впрочемъ лже-архіерей Савватій умѣетъ продѣлываетъ и еще болѣе удивительныя кунштюки, — и рельефнѣйшій примѣръ ихъ на лицо.

Онъ не только открылъ въ Москвѣ свою кричащую о себѣ „Апухтинку“ съ устроеннымъ въ ней безъ всякаго разрѣшенія раскольничьимъ „кафедральнымъ Успенскимъ соборомъ“, онъ не только сталъ,

разъѣзжая въ каретахъ на четвернѣ, безобразничать и кощунствовать, гдѣ ему только хочется, онъ не только сдѣлался такъ смѣль и дерзокъ, что фабрикуетъ для распространенія раскола подобныхъ себѣ лже-архіереевъ въ самочинныхъ моленныхъ бокъ о бокъ съ полицейскими канцеляріями, — но даже пользуется правами и режимомъ московской полиціи для того, чтобы удалять изъ Москвы тѣхъ, кто, какъ говорится, у него поперекъ горла сталъ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

До прошлаго 1891 года въ Москвѣ, кромѣ „батьки Савватія“ гнѣздился и другой лже-архіерей — Іовъ.

Савватій верховодилъ, какъ верховодитъ и сейчасъ, сильнѣйшею и богатѣйшею партіею раскольниковъ, которая называетъ себя „окружниками“, а Іовъ управлялъ „духовными дѣлами“ сравнительно малочисленныхъ и небогатыхъ „противоокружниковъ“.

Этотъ противоокружническій раскольничій архіерей, не имѣя сильныхъ заступниковъ за себя въ лицѣ бароновъ Рогожскаго кладбищенскаго общества, не имѣя милліонерокъ-„малинницъ“, жилъ въ Москвѣ, можно сказать, по хорошему и особенныхъ безобразій, какъ старый грѣховодникъ Савватій, не продѣлывалъ.

Мы по крайней мѣрѣ никогда и не слыхивали о томъ, что лже-архіереемъ Іовъ разъѣзжаетъ по московскимъ раскольничьимъ домамъ служить свои

кошунственные „обѣдни“, мы не слыхивали, что въ его моленной, бывшей въ домѣ Лашкова на Пустой улицѣ, фабрикуются раскольничьи „батьки“ и подпольныя развратительныя книжонки и, наконецъ, мы не видали никогда такихъ писемъ, на адресахъ которыхъ открыто именовали-бы его *преосвященнымъ*.

Словомъ, онъ въ тысячу разъ былъ невиннѣе и безвреднѣе, чѣмъ этотъ нетерпимый, а вмѣстѣ съ тѣмъ и препрославленный „батька Савватѣй“.

Но увы! онъ стоялъ поперекъ горла у Савватія, который одного только и добивается, объ одномъ даже и сны видитъ, чтобъ всѣ даянія московскихъ раскольниковъ, всѣ ухаживанія „малинницъ“ принадлежали безраздѣльно одному ему, Апухтинскому безобразнику.

— Ништо, ништо!... — говаривалъ онъ своимъ приближеннымъ. — Я, ништо, этого самага Іовку въ бараній рогъ согну!... Выгоню я его изъ Москвы, — и тогда, ништо, всѣ эти крамольники „противоокружные“ безъ „владыки“ останутся!...

— А дальше то что будетъ?.. — спрашивали стараго фокусника.

— А дальше, ништо, всѣ эти дряни ко мнѣ въ „Апухтинку“ станутъ ходить!... Прибавится, ништо, доходець, прибавится!..

Сказано и какимъ-то волшебствомъ сдѣлано, — такъ какъ съ годъ тому назадъ лже-архіерей Іовъ почему-то и внезапно уѣхалъ изъ Москвы.

Мы видѣли этого изгнаннаго изъ Москвы лже-архіерея и по человѣчеству даже и пожалѣли его.

Живетъ онъ въ подмосковной деревнѣ Печатникахъ, въ убогой келейкѣ у мужичка Ивана Степанова, питаясь ржавыми сухарями.

Мы бесѣдовали съ нимъ, и онъ между прочимъ сказалъ намъ вотъ что:

— Великую силу забралъ Савватѣйка въ Москвѣ, великую!... Что хочетъ, то и творить!... Магъ и волшебникъ — одно слово!... Я вотъ и смирно жилъ въ Москвѣ, а меня выпроводили, а онъ чуть-чуть въ колокола не звонитъ на своей Апухтинкѣ, — и ничего!... Все съ рукъ сходитъ!... Ну, да ладно!... Отольются когда-нибудь кошкѣ мышиныя слезки!... Сожралъ онъ меня и не поперхнулся!... Авось чѣмъ нибудь другимъ подавится!...

* * *

Въ заключеніе всего, что мы сказали въ этой книжкѣ, остается дать читателямъ понятіе и о томъ, какъ „апухтинскій“ архи-безобразникъ продѣлываетъ свои кошунственные службы.

Намъ нѣсколько разъ доводилось бывать свидѣтелями безобразій Савватія на „Апухтинкѣ“, въ его, съ позволенія сказать, „каедральномъ соборѣ“, но описывать ихъ сами мы не будемъ, а для большей достовѣрности приведемъ письмо, написанное по

такому-же поводу однимъ изъ „апухтинскихъ“ прихожанъ къ своему благопріятелю.

Вотъ это въ высшей степени интересное посланіе.

„Доброжелатель мой, П. В!

„Былъ я вчера у Савватія за „всенощной“ и видѣлъ всѣ его нетерпимыя безобразія.

„Пѣвцы-гуслики всѣ пьяны, смѣются и чуть не пляшутъ на своихъ мѣстахъ.

„А Савватій, завидя, что къ нему пріѣхала одна богачиха-малинница, одѣлся въ самое пышное одѣяніе и выбѣжалъ къ ней на встрѣчу съ кадиломъ.

„И размахивалъ онъ передъ этой богачихой своей кадильницей столь неистово, что угодилъ одному прихожанину въ ликъ и ожегъ ему носъ.

„Въ концѣ концовъ случился такой срамъ, какого я отродясь никогда и не видывалъ.

„Выходитъ на амвонъ „дьяконъ“ и начинаетъ возглашать: „Вознеся Господи Боже мой“, а Савватій на него изъ „алтаря“ кулакомъ грозитъ и своимъ пѣтушинымъ (?) голосомъ кричитъ: „что ты, свинья, дѣлаешь? зачѣмъ, дрянъ, на амвонъ становишься?“

„Дьяконъ“ убѣжалъ въ „алтарь“, сталъ „разоблачаться“ и хотѣлъ уйти.

„Тогда Савватій началъ просить у него прощенія за обиду и только съ великою надсадою могъ уговорить, чтобъ онъ продолжалъ службу.

„Извѣстный тебѣ И. И. Н.“

Это письмо находится у насъ, и мы въ дополне-

ніе къ нему считаемъ не лишнимъ объяснить слѣдующее:

Обруганный „батькой-Савватѣемъ“ лже-архіерейскій „сослужебникъ“ былъ лже-дьяконъ Харлампъ, а пріѣхавшая поглазѣть на Апухтинскія кошуnstва богачиха „малинница“ была та самая, которую онъ, Савватій, называетъ Поленькой.

Вообще говоря, лже-архіерей за своими кошуственными службами на „Апухтинкѣ“ безобразничаетъ, какъ только ему хочется, и даже безъ всякаго стѣсненія наряжается въ тѣ „ризы“, которыя, по выраженію его пѣвчихъ, онъ „зажилилъ“ у раскольничьяго бѣло-криницкаго лже-митрополита Аѳанасія.

Объ этихъ „ризахъ“ рассказываютъ слѣдующее:

Умерла въ Москвѣ бога тая раскольница—и „на поминъ души“ отказала изрядный кусокъ золотой парчи для „батюшки Аѳанасьюшки“ въ Бѣлой Криницѣ.

Наперсница умершей купчихи „просфирня“ лже-протопопа Петра Драгуна хотѣла сначала отправить парчу къ Аѳанасію по почтѣ, но „батюшка Савватѣюшка“ отсовѣтывалъ ей это.

— Нельзя, ништо, сказалъ онъ,—такое сокровище по почтѣ пересылать!... Отдай его мнѣ,—и я, ништо, съ вѣрной оказіей перешлю!

„Просфирня“ не осмѣлилась перечить своему „главному батькѣ владыкѣ“, и дорогая парча попала въ руки Савватію.

А тотъ подумаль, подумаль, да и порѣшилъ:

— Ну, нѣтъ!... „Митрополиту“ Аѳанасію этакая парча не по носу!... Я, ништо, лучше для себя изъ нея „ризы“ сооружу!...

Сказано-сдѣлано,—и вотъ теперь онъ безобразничаетъ по большимъ праздникамъ въ „зажиленныхъ“ у такого-же, какъ и онъ самъ, безобразника, лже-митрополита Аѳанасія, „ризахъ“.

Купчихи-„малинницы“ только вздыхаютъ, да покачиваютъ головами, зная исторію этого „облаченія“ своего „батюшки Савватѣюшки“, но замѣтить ему ничего не осмѣливаются.

— Разобидится — говорятъ, — пожалуй, и насъ поклонами начнетъ донимать!...

Но верхомъ Савватіевыхъ безобразій при исполненіи, такъ сказать, „служебныхъ обязанностей“ является то возмутительное обстоятельство, что въ высокаторжественные царскіе дни, когда вся Москва возноситъ свои молитвы о здравіи и долгоденствіи Державной и Царствующей Четы нашего великаго отечества и всего Императорскаго Дома, — возноситъ — это мы подчеркиваемъ — въ православныхъ храмахъ по православному, въ иновѣрныхъ киркахъ и костелахъ по-протестантски и по-католически, въ еврейскихъ молитвенныхъ домахъ по Моисееву закону, въ татарской мечети по закону Магомета, — только въ одномъ Апухтинскомъ раскольничьемъ „московскомъ каедральномъ соборѣ“,

гдѣ служить этотъ, съ позволенія сказать духовный глава раскола, „ряженный“ архіерей Савватій, служба никакими соотвѣтствующими всероссійскимъ высокаторжественнымъ празднествамъ особенностями не отличается.

Это, конечно, не только возмущаетъ, но даже до крайней степени огорчаетъ всѣхъ бывающихъ въ такіе дни на „Апухтинкѣ“ богомольцевъ, которые хотя и заблуждаются въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, желали бы, чтобъ и ихъ молитва присоединялась въ то время къ молитвамъ всей православной и иновѣрной Россіи за Царя, Царицу и весь Царствующій Домъ.

Пробовали напомнить „батькѣ Савватѣю“ о всей возмутительности его такого поведенія, но увы! старый кошунственный безобразникъ всѣ эти напоминанія оставилъ тщетными.

Мы, пожалуй-бы, и воздержались отъ упоминанія объ этомъ случаѣ изъ жизни почему-то терпимаго въ Москвѣ пресловутаго Апухтинскаго дворища, но если сами-же приверженцы „старой вѣры“ обратились къ намъ съ просьбою, чтобъ этотъ случай былъ отмѣченъ, у насъ не нашлось никакихъ причинъ для умолчанія о немъ.

Мало этого мы навели справки, почему „батюшка Савватѣюшка“ оказывается столь упрямымъ и возмутительнымъ безобразникомъ, — и вотъ все, что мы могли узнать.

Намъ говорили, что этотъ лже-архіерей, хотя и числится „окружникомъ“, то-есть послѣдователемъ знаменитаго въ мірѣ раскола „Окружнаго посланія“ покойнаго Егора Иларіоновича „Ксеноса“, но на самомъ дѣлѣ состоитъ ярымъ „противоокружникомъ“.

Это — приводили намъ фактическое доказательство — подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что лѣтъ шесть тому назадъ „батъка Савватій“ со своимъ синадріономъ не задумался подписать подь „Окружнымъ посланіемъ“: „уничтожаемъ и въ не бывшее вмѣняемъ“.

А „Окружное посланіе“, какъ извѣстно, поставляетъ всякому послѣдователю „старой вѣры“ въ первую и святую обязанность возносить молитвы „за царя и за вся челоуѣки, иже во власти суть“, — и „противоокружники“ отъ „окружниковъ“ между прочимъ тѣмъ и отличаются, что такихъ молитвъ не возносятъ....

* * *

На этомъ мы и закончимъ до слѣдующей книжки наши, основанныя на документальныхъ данныхъ, очерки кошунствъ, безобразій, и даже уголовныхъ правонарушений московскаго раскольничьяго, проживающаго на Апухтинскомъ дворищѣ, самозванца-лже-архіерея, который на своихъ бумагахъ и пись-

махъ имѣеть наглую дерзость подписываться слѣдующимъ образомъ:

*Доброежелатель
Архіерейскій
Димитрій Савватій
московскій*

Хорошъ доброежелатель, — нечего сказать!...

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

— на —

ЕЖЕДНЕВНУЮ

ГАЗЕТУ

«**РАССКАЗЫ** ЛИСИЦЫ»

СЪ ДОСТАВКОЙ

И ПЕРЕСЫЛКОЙ

НА ГОДЪ **Б** РУБ., — ПОЛГОДА **Э** РУБ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ

Москва, Большая Лубянка, Варсонофьевскій пер., д. Рябушинскаго.